ОТАГОН

ТОЧКА ЗЕРО

ВАЛЕРИЯ ГРЕЙ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Валерия Грей

Отагон. Точка зеро

«Автор»
2026

Грей В.

Отагон. Точка зеро / В. Грей — «Автор», 2026

Мир Отагона разделен на две части: стерильный, безупречный Верхний Город, где правит холодный разум ИИ-Архитектора, и пропитанную копотью, выживающую на грани отчаяния бездну нижних секторов.Кэра всю жизнь верила в безупречность системы. Но когда её аналитический гений случайно вскрывает страшную правду - что её сослали в трущобы не из-за «системного сбоя», а потому что Совет боялся её лидерской воли, всё рушится. Здесь, внизу, среди мрачных лабиринтов «Зеро», она встречает Дилана опасного, дерзкого бунтаря, готового идти до конца.—Когда Высший Совет решает стереть с лица земли неугодные сектора смертоносным газом, Кэра, Дилан и их верные друзья поднимают восстание. Это история о том, как хрупкая искра бунта способна разжечь пламя свободы, сокрушить многовековые стены и превратить тюрьму в рассвет нового мира, где любовь становится сильнее любого оружия.ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ЗА ПРЕДЕЛЫ КУПОЛА. ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ИСТИННАЯ ЖИЗНЬ.

© Грей В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Золотая клетка 5
Глава 2. Алый Экран 10
Глава 3. Дно мира 15
Глава 4. Мусорный инженер 21
Глава 5. Чистый горизонт 31
Глава 6. Выбор тактики 39
Глава 7. Легенда о зелёной точке 45
Глава 8. Сквозь железный занавес 51
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Валерия Грей
Отагон. Точка зеро

Глава 1. Золотая клетка

В Отагоне время измерялось не восходами солнца, которых никто не видел за толщей купола, а циклом гудения вентиляционных турбин. Ритмичный низкий гул был пульсом города — успокаивающим, безупречным, абсолютным.

Кэрастояла перед панорамным окном своего жилого блока в Секторе «Армор». С высоты пятидесятого уровня город напоминал сложный часовой механизм из неона, хрома и упорядоченного движения. Внизу, в «Молоте», бесконечные ленты конвейеров перемалывали синтетическую руду; ещё дальше, в смутной дымке периферии, угадывались приземистые контуры «Зеро» — места, о котором в приличном обществе не упоминали даже вслух.

Отагон не был похож на города прошлого с их хаотичной застройкой и грязными улицами. Он был воплощением геометрии. Город представлял собой идеальную восьмиугольную пирамиду, уходящую корнями вглубь планеты, а вершиной — в искусственное небо купола.

Чем выше уровень сектора, тем чище в нем воздух и ярче освещение. В «Эгиде» царил вечный «золотой час» — мягкий, тёплый свет имитировалземной полдень. В «Молоте» освещение было индустриально-холодным, с резкими тенями, а в «Зеро» свет был лишь функцией выживания: тусклые мигающие диоды экономили энергию для нужд высших слоёв.

Здания напоминали монолитные кристаллы, соединённые артериями лифтовых шахт и прозрачными трубами вакуумных поездов. Здесь не было случайных предметов: каждый угол был выверен для оптимизации потоков воздуха, каждая стена — покрыта антисептическим напылением.

Отагон дышал: вентиляционные системы работали синхронно, создавая лёгкий гул, который жители воспринимали как колыбельную.

Структура города Отагон — это не просто архитектурный проект, это иерархическая пищевая цепь, где каждый уровень имеетсвою специфическую атмосферу, функции и жестокие ограничения.

Сектор «Эгида» (Центр — Верхушка)

— Статус: высшееруководство и «мозговой центр».

— Атмосфера: стерильная роскошь. Здесь всегда поддерживается идеальная температура, воздух очищен от любых примесей, а архитектура сочетает минимализм с высокотехнологичными элементами (голографические панели, парящие конструкции).

— Обитатели: «Архитекторы» — узкая прослойка правящей элиты.

— Функции: принятие решений, планирование ресурсов, управление нейросетью города.— Особенности: полная изоляция от тягот внешней жизни. Из окон открывается панорамный вид на весь купол, создавая иллюзию безграничной власти.

Сектор «Монолит» (Научно-технический уровень)

— Статус: интеллектуальный фундамент.

— Атмосфера: холодная, приглушённая, пропитанная запахом антисептиков и озона. Здесь царит тишина, нарушаемаялишь гулом серверов и работающих мощных очистных установок.

— Обитатели: учёные, инженеры, генетики, системные администраторы.

— Функции: обеспечение жизнедеятельности города (вода, кислород), попытки восстановления биологических образцов (растений, культур тканей).

— Особенности: постоянный контроль качества биоматериалов. Это «чистые» рабочие зоны, где человек является лишь придатком к высокоточной лаборатории.

Сектор «Армор» (Оборонный периметр)

— Статус: силовая структура.

— Атмосфера: металлический блеск, казарменный быт, идеальный порядок. Здесь чувствуется «вес» металла: бронированные стены, тяжёлые затворы, эхо марширующих сапог.

— Обитатели: военные, миротворцы, тактики, охранники периметра.

— Функции: поддержание внутреннего порядка, подавление недовольства, защита внешних шлюзов от опасностей Пустоши.

— Особенности: лучшие пайки, жёсткая дисциплина и постоянная готовность к боевому дежурству. Здесь ценят только силу и точность исполнения приказов.

Сектор «Молот» (Промышленное сердце)

— Статус: ресурсная база.

— Атмосфера: вечный гул тяжёлых механизмов, вибрация полов, копоть, смешанная с влажным паром. Освещение здесь всегда тусклое, желтоватого оттенка, чтобы экономить энергию для нужд верхних уровней.

— Обитатели: рабочие, техники, фермеры гидропонных ферм.

— Функции: производство деталей, переработка отходов, выращивание синтетического белка.

— Особенности: это «двигатель» города. Жизнь здесь тяжела, циклична и направлена на бесконечное повторение монотонных операций. Здесь рождаются и умирают, не видя ничего, кроме цехов.

Сектор «Зеро» (Периферия — «Отверженные»)

— Статус: отстойник.

— Атмосфера: мрачная, давящая. Воздух тяжёлый, с примесью ржавчины и гнили. Стены здесь — это «изнанка» города, заросшая плесенью и кабелями, которые давно перестали функционировать. Здесь постоянные сумерки, так как освещение практически отсутствует.

— Обитатели: те, чья полезность признана нулевой (неудачливые кандидаты, старики, «генетический брак», девианты).

— Функции: «санитарная зона». Здесь живут те, кто выполнял самую грязную работу: разбор радиационных отходов, чистку вентиляционных шахт, ручную сортировку мусора.

— Особенности: получают остатки продовольствия. Это место, где надежда умирает первой, а выживание становится единственным смыслом жизни. Именно здесь находятся внешние шлюзы, ведущие в неизвестность — в Пустошь.Для КэрыОтагон был совершенством. Дочь инженера и тактика, она выросла в атмосфере математической точности. Она знала, что каждый кубометр очищенного воздуха и каждая калория белкового рациона рассчитаны до грамма. Система не ошибалась. Система заботилась.

— Ты нервничаешь? — голос отца прозвучал мягко, но в нем слышалась стальная дисциплина. Он стоял позади. Кэрамедленно разжала кулак. Её ладони были сухими, пульс — ровным, как у безупречно настроенного механизма.

Сегодня был день перед распределением. Двадцать лет ожиданий, тренировок, симуляций и анализа. Она видела свои показатели в терминалах: скорость реакции, превышающая среднюю на сорок процентов; интеллект, позволяющий просчитывать тактические ходы на шесть шагов вперёд. Он рассматривал свою дочь в отражении стекла так, как будто видел её впервые.

У Кэрыправильное, почти симметричное лицо с высокими, чётко очерченными скулами. В её облике нет мягкости, свойственной юности, — только жёсткая дисциплина и стальная

уверенность. Кожа у неёбледная, почти фарфоровая, что подчёркивает еёпринадлежность к высшим слоям города, где солнечный свет (пусть и искусственный) не обжигает лицо.

еёвзгляд — самая пугающая деталь. Глаза Кэрыпронзительного, почти ледяного голубого цвета. Они напоминают фильтры сканеров города: холодные, внимательные и всегда сфокусированные. В них нет мечтательности; когда она смотрит на кого-то, кажется, что она проводит мгновенный анализ: «угроза», «ресурс» или «помеха». Этот взгляд всегда остаётся спокойным, даже когда внутри неёбушует интеллектуальная работа.

еёпричёска — это манифест порядка. Волосы цвета платинового блонда, светлые, почти белые, всегда идеально уложены в строгое удлинённое каре. Ровный срез волос чуть ниже подбородка подчёркивает длинную, изящную шею. Волосы никогда не выбиваются из причёски, даже во время интенсивных тренировок в «Арморе». Эта безупречность стрижки — результат того, что она не терпит хаоса ни в делах, ни в собственном образе.

Кэрадвигается экономно.У неёврождённая, выправленная с детства военная осанка: плечи развёрнуты, подбородок всегда чуть приподнят. Она не делает лишних жестов. Еёпоходка — это размеренный шаг человека, который точно знает, сколько времени займёт путь из точки А в точку В.

Она предпочитает форму цвета «стальной серый» с чёткими геометрическими вставками. Одежда всегда идеально подогнана по фигуре, не стесняет движений и подчёркивает еёспортивное телосложение. На ней нет украшений — только функциональные элементы формы и коммуникатор на запястье. Кэравыглядит как безукоризненно работающий инструмент — красивый, холодный и готовый к применению.

— Я готова, отец! — сказала она спокойно, не оборачиваясь.

Кэрародилась в семье, которую «Армор» называл «образцовой». Еёродители не просто проживали вместе — они дополняли друг друга, как компоненты сложного химического состава.

Отец, Эйдан, — майор инженерно-тактического корпуса. Человек, чья жизнь была расчерчена по линейке. Он всегда носил форму, а его лицо напоминало маску из серого металла. Для Эйдана Отагон был богом. Он искренне верил, что любая жертва оправдана, если она сохраняет стабильность структуры. Его любовь к дочери была формой инвестиции: он обучал её сказкам, а логистике, баллистике и методам подавления мятежей. Он видел в ней продолжение своей функциональности.

Мать, Элира, — ведущий специалист сектора «Монолит». Она занималась тем, что человечество называло «профилактикой вымирания». Элира была тихой, почти призрачной женщиной, которая проводила по 16 часов в лабораториях, пытаясь оживить стерильные семена растений. Она знала о критическом износе ресурсов больше, чем кто-либо, но еёвоспитание всистеме научило еёодному правилу: «Информация — это риск. Молчание — это безопасность».

В их семье не было принято проявлять эмоции — это считалось признаком биологической слабости. «Хорошо» означало «выполнила план на 100 %». «Любовь» означало «мы функционируем как единый узел». Кэрабыла их главной гордостью: она унаследовала от отца холодный расчёт и лидерство, а от матери — феноменальный интеллект и способность видеть закономерности там, где другие видели хаос. Они гордились ею, как конструкторы гордятся идеально откалиброванным прототипом оружия. Они не знали — и не могли знать, — что их воспитание вложило в руки Кэрынструмент, которым она в итоге вскроет эту «идеальную» клетку.

Она поправила воротник своей безупречной формы. В еёглазах не было сомнений, лишь холодная, ясная решимость. Она верила, что город — это колыбель человечества, а она — его будущее. В этот момент Кэране могла знать, что еёпоказатели уже давно стали угрозой для

тех, кто сидит в кабинете «Эгиды». Что идеальная геометрия её жизни вот-вот превратится в хаос, а «золотая клетка» покажет своё истинное, ржавое лицо.

Подготовка к тестированию не была просто обучением — это было погружение в дисциплину, которой её учили с первых шагов.

День продолжался сеансом в капсуле «Синапс». Кэра чувствовала, как тонкие иглы коннекторов мягко касаются висков, подавая в мозг высокие импульсы. Это была настройка — очистка памяти от лишних эмоций, оптимизация логических центров. Её сознание становилось острым, как скальпель. Она чувствовала каждый байт данных, проходящих через нейроинтерфейс, каждую логическую цепочку, выстраивающуюся в её голове с невероятной скоростью.

Кэра прошла через цикл упражнений в зале гравитации. Её тело, подтянутое и выверенное тренировками, подчинялось разуму с абсолютной точностью. Каждый удар, каждый прыжок, каждый прицельный выстрел из лазерного симулятора попадал в «десятку». Она видела цель раньше, чем осознавала её наличие — её рефлексы были доведены до предела, где человек сливается с машиной.

Вечер проходил в примерочной. На ней была форма кандидата — строгий комбинезон из синтетического шелка, который идеально сидел, подчёркивая принадлежность к высшей касте. Она внимательно рассматривала себя в зеркале: холодный, сосредоточенный взгляд, отсутствие лишних движений. Она была воплощением эффективности.

Вечер перед Распределением. Кабинет отца в верхних ярусах — место, где всегда пахло разогретым металлом и сухим озоном. Эйдан сидел за столом, просматривая чертежи вентиляционных систем, но при появлении Кэры отложил планшет.

Кэра остановилась в дверях, невольно выпрямившись — привычка, вбитая годами.

— Ты выглядишь как клинок, который точили десять лет, — отец коротко усмехнулся, но в его глазах блеснула непривычная для него тревога. — Ты готова?

— Я знаю каждое уравнение, каждую схему системы обороны города, — голос Кэры звучал ровно, как и требовала того дисциплина. — Отагон — это механизм. Я часть этого механизма. Сбоев не будет.

Эйдан встал, подошёл к окну, за которым мерцал огнями город. Он положил тяжёлую руку ей на плечо. В его жесте не было нежности — только жёсткое, почти профессиональное одобрение.

— Запомни, Кэра. В «Эгиде» не прощают эмоций. Там ценят только эффективность. Если система задаст вопрос — отвечай так, будто от этого зависит циркуляция воздуха во всём секторе. Ты — лучший мой проект. Не позволяй сомнениям смазать твой код.

— У меня нет сомнений, отец, — она подняла подбородок. — Завтра мы перейдём в высший дивизион. Ты будешь гордиться, когда увидишь меня в списках Совета.

Он на секунду задержал на ней взгляд, словно хотел добавить что-то ещё, но лишь крепче сжал её плечо.

— Надеюсь. Отагону нужны такие, как ты. Иди спать. Завтрашний день решит всё.

Она развернулась и вышла. Эйдан снова склонился к чертежам, не заметив, что его рука слегка дрожала. Кэра же не обернулась — она уже мысленно была там, в зале тестирования, готовая занять своё место в идеальном мире.

Ночь перед Распределением в «Эгиде» была не временем отдыха, а временем калибровки. В её комнате, где каждый предмет имел своё место, Кэра лежала с открытыми глазами, глядя в потолок, который имитировал мягкое свечение утреннего неба. Но она знала: это лишь иллюзия. За тонким слоем полимерных панелей гудел Отагон — гигантский зверь, чьи внутренности она представляла себе до мельчайших деталей.

Сон не шёл. Мысли текли по закольцованным нейронным путям, анализируя структуру города, который должен был стать её рабочим местом. В её груди не было страха — только

спокойное, холодное предвкушение. Кэразнала свои результаты. Она видела графики своих показателей на протяжении последних десяти лет: они всегда были в «красной зоне» эффективности.

Она представляла себе «Эгиду». Там, за массивными дверями, принимались решения, от которых зависело дыхание Отагона. Она видела себя в кресле тактика, склонившейся над картами города, видела, как её приказы исполняются без единого вопроса. Она была готова стать частью системы, которая поддерживала хрупкое равновесие человечества.

Ей казалось, что Отагон — это колыбель, а она — его будущий страж. Мир за стенами купола был мифом, страшной сказкой для детей, чтобы те не задавали лишних вопросов. Внутри была стабильность, порядок и логика.

— Завтра, — прошептала она, глядя, как гаснут огни на нижних уровнях. — Завтра я стану тем, кто управляет этим механизмом.

Она ложилась спать с предвкушением триумфа, не подозревая, что её «идеальное будущее„ — это лишь декорация, за которой уже начал разворачиваться сценарий её уничтожения.

Глава 2. Алый Экран

Кэраоткрыла глаза ровно за три секунды до того, как мягкое, успокаивающе голубое свечение стен сменилось на холодный, безжалостный, стерильно-белый. Она не нуждалась в будильнике. Её внутренние часы, отточенные годами тренировок в учебных центрах, работали точнее, чем любой хронометр комплекса. Она поднялась с койки — движение было экономным, лишённым суеты. В её мире, где каждый расход калорий фиксировался датчиками, лишнее движение считалось расточительством, а расточительство было грехом.

Взгляд упал на зеркальную панель стены. На неё смотрела девушка с бледной кожей и глазами, в которых, казалось, застыла ледяная статика серверов. Кэра поправила комбинезон. Ткань, созданная по нанотехнологиям, облепила тело как вторая кожа, подстраиваясь под температуру её мышц. Она была готова к дню распределения. Кэра вспомнила отца. Его лицо редко появлялось в её памяти чётко, словно изображение было затёрто постоянным воздействием радиации и систем контроля, но его голос она помнила идеально. Его слова, сказанные в те редкие минуты, когда системы слежения в их жилом блоке отключались для профилактики: »Кэра, Отагон — это не просто город. Это живой организм, который боится собственной сложности. Если ты хочешь управлять им, ты должна быть для него как идеально настроенный инструмент, который он боится сломать. Но будь осторожна: как только инструмент становится слишком сложным, хозяин стремится его разобрать». Сегодня она собиралась проверить, достаточно ли она сложна, чтобы напугать Отагон.

Коридоры «Эгиды» были лишены акустических излишеств. Стены поглощали звук, поэтому шаги сотен кандидатов сливались в единый, едва слышный гул. Это была тишина, которая предшествует удару молнии или взрыву сверхновой.

Кэра шла в общем потоке. Она чувствовала плечо соседа — парня с типичным для «Армора» выражением лица: напряжённая челюсть, сухие губы. Никто не разговаривал. В Отагоне слова были формой потери энергии. Взгляды всех кандидатов были прикованы к мерцающим индикаторам в дверях узлов «Нейро-ядра».

Впереди, за спинами офицеров, показались массивные створки главного входа. «Архитектура» возвышалась над сектором как идол — монументальное сооружение, где пульсировала жизнь самого ядра города. Кэра видела, как впереди идущий кандидат на секунду замедлил шаг, его дыхание сбилось. Он знал, как и она, что после прохождения этих ворот их прежние жизни перестанут существовать. Они станут либо винтиками в механизме высшего эшелона, либо — в лучшем случае — перерабатываемым ресурсом.

— Кандидат 0-9-0-2, — прозвучал синтезированный голос из ниоткуда. — Продвигайтесь к точке синхронизации.

Кэра сделала вдох. В воздухе пахло озоном и жжёным пластиком — запах бесконечных вычислений. Она шагнула внутрь, и створки за её спиной сомкнулись с тяжёлым, окончательным лязгом.

Кабинет тестирования, или «Нейро-ядро», был не просто помещением, а архитектурным воплощением абсолютной, стерильной власти. Его дизайн был призван подавить волю любого, кто попадал внутрь, превратив живого человека в объект для манипуляций.

Зал представлял собой идеальную камеру, лишённую прямых углов или каких-либо архитектурных выступов. В такой комнате звук не отражался от стен, а рассеивался, создавая эффект давящей, вакуумной тишины. Стены были облицованы матовым композитным материалом графитового цвета; в полумраке они казались бесконечной чёрной бездной, но под направленным светом начинали мелко переливаться, словно чешуя змеи. В зале отсутствовали окна, а любые намёки на естественный свет были исключены. Освещение было реализовано через скрытые по периметру пола и потолка световые ленты. Они заливали про-

странство неестественным, хирургически-белым светом. Этот свет был лишён тени: он не подчёркивал объёмы, а «выжигал» детали, заставляя любого, кто находился в центре, чувствовать себя не человеком, а биологическим образцом под микроскопом.

В центре комнаты находилась площадка, приподнятая над общим полом на пару дюймов. Это был единственный «островок» активности. Над платформой с потолка спускалась сложная инженерная конструкция. Она напоминала механическое насекомое с множеством тонких, изогнутых манипуляторов-щупалец. На концах этих щупалец располагались сенсорные иглы и биодатчики. В неактивном состоянии они выглядели как абстрактная скульптура, но при активации опускались, окружая голову и позвоночник испытуемого, создавая ощущение вторжения в личное пространство.

Сразу после активации вокруг платформы разворачивалась проекционная полусфера. Золотистые матрицы данных, формулы и графики висели прямо в воздухе, пульсируя в ритме нейронных импульсов Кэры. На возвышении, отделённом от платформы тяжёлым бронированным стеклом, находился командный пункт офицеров.

Это пространство было полной противоположностью ярко освещённому центру: в зоне наблюдателей всегда царил полумрак. Свет от терминалов был единственным источником освещения, что превращало офицеров в безликие силуэты. Их лица, подсвеченные снизу холодным свечением мониторов, казались масками. Столы из чёрного стекла, сливающиеся с поверхностью пола, не имели видимых кнопок или переключателей. Только сенсорные панели, на которых графики и показатели Кэрывычерчивали ёёинтеллектуальный портрет в реальном времени.

Кабинет производил гнетущее впечатление абсолютной пустоты. В нём не было ничего лишнего: ни декора, ни мебели, ни проводов — вся инженерная инфраструктура была скрыта внутри «живых» стен, которые могли смыкаться или менять конфигурацию. Это создавало ощущение, что сама комната — это мыслящий орган, часть огромного мозга «Отагона», а Кэра— лишь микроскопический импульс, проходящий через его синапсы. Здесь человек был лишним элементом, а данные — единственным, что имело значение.

Зал распределения встретил ёёабсолютной чернотой. Это была не темнота ночи, а темнота бесконечного пространства. Стены из композитного материала, казалось, не имели границ.

— Центр, — скомандовал голос.

Кэраступила на платформу. Под ёёногами площадка едва заметно завибрировала, центрируя ёёположение. В ту же секунду над головой раздался шорох. Это было похоже на пробуждение огромного механического насекомого.

Металлические манипуляторы, холодные и матовые, плавно опустились вниз. Кэразаставила себя не дёргаться. Она знала: любая микрореакция страха будет считаться дефектом системы. Иглы сенсоров коснулись ёёкожи у основания черепа и вдоль позвоночника. Это не было больно, но это было инвазивно. Она почувствовала, как Отагон проникает в ёёнервную систему, считывая импульсы, как музыкант перебирает струны инструмента.

Вокруг неёвспыхнул свет. Это был не электрический свет, а визуализация данных. Полусфера проекций заполнила зал. Золотистые нити формул переплетались в воздухе, образуя сложные, пульсирующие структуры. Кэравидела схему Отагона как концентрические круги секторов, от «Эгиды» до глубоких, скрытых от глаз «Нижних уровней». Она была внутри мозга города.

— Начало когнитивной адаптации, — донеслось из тишины зоны наблюдателей, спрятанной за бронированным стеклом.

Кэраприкрыла глаза. Она начала «танцевать». Массивы данных хлынули в ёёразум. Уравнения распределения ресурсов, которые она видела впервые в жизни, стали казаться простыми, как детская арифметика. Она видела логистические узлы Отагона как живые нервы.

Где-то в секторе «Молот» случился микросбой в подаче питания — она исправила его, мысленно перенаправив потоки.

Отагон «загудел» в ответ — гул был одобрительным, низким, вибрирующим в самой еёгруди. Она чувствовала себя богом. Она чувствовала, как система восхищается еёскоростью. В зоне наблюдателей, она знала, офицеры сейчас затаили дыхание. Еёпоказатели интеллекта, которые она всегда скрывала, сейчас били все мыслимые рекорды. Кэрабыла идеальным кандидатом. Идеальным инструментом. Она была слишком совершенной, чтобы остаться просто человеком.

С каждой секундой слияние становилось всё болееглубоким. Кэраперестала чувствовать холод металлических игл в своём позвоночнике; они стали продолжением еёнервной системы. Золотистые матрицы данных больше не висели «перед» ней — они текли сквозь неё, окрашивая сознание в цвета чистой логики.

В «рефлекторном блоке» симуляции мир вокруг неёпревратился в геометрию угроз. Система «Отагона» подбрасывала задачи, которые были созданы, чтобы сломить человеческую психику: анализ тысяч вероятностей нападения за миллисекунды, расчёт траекторий распада изотопов в реакторах «Молота», моделирование социального взрыва в «Эгиде». Кэране думала — она реагировала. Её́тело, зафиксированное на платформе, оставалось неподвижным, но внутри, в виртуальном пространстве, она летала, разрушая барьеры сложности.

Она видела «Отагон» как единый, дышащий механизм, где каждый сектор был органом. Она чувствовала застой в «Монолите», она видела неэффективность в «Арморе». Она видела, как город, вечно голодный до контроля, пытался запихнуть еёсознание в жёсткую формулу, но она сама была этой формулой.

— Синхронизация: 99,8%, — прозвучал голос из тени наблюдателей. В нём не было эмоций, только техническая констатация факта. — Уровень когнитивного захвата: запредельный.

Кэрапочувствовала лёгкий укол гордости. Она знала, что делает: она предлагала системе решения, которые Отагон даже не мог сгенерировать самостоятельно. Она оптимизировала распределение энергии так, что общая эффективность города подскочила на 14% за считанные секунды. Это был акт интеллектуального доминирования.

Золотистое сияние вокруг вдруг дрогнуло. В глубине логических цепочек, которые она только что выстроила, Кэранатыкнулась на нечто странное. Это не была ошибка — это был «запретный архив». Система пыталась спрятать от неёдоступ к данным о внешнем мире. Она увидела короткую вспышку: снимки атмосферных зондов, показывающие, что за пределами Отагона не было ядерной зимы. Там была жизнь. Там была зелёная трава, там было небо, которое не нуждалось в искусственной подсветке. Она не должна была этого видеть.

Инстинктивно, без злого умысла, она попыталась «открыть» этот файл, чтобы подтвердить свои подозрения. В тот же миг её́разум, соединённый с Отагоном, ударился о невидимую, но невероятно мощную стену.

В зале раздался скрежет — звук, от которого заложило уши. Это был не технический шум, это был крик самой системы, почувствовавшей вторжение в своё святилище. Золотистые проекции моментально сменили цвет на агрессивно-алый.

«КРИТИЧЕСКАЯОШИБКА: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ АНОМАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ. УГРОЗА СТАБИЛЬНОСТИ. УТИЛИЗАЦИЯ/ИЗОЛЯЦИЯ».

Кэраоткрыла глаза. Золотой купол исчез, сменившись пульсирующим красным маревом, которое заливало стены. Её́сердце, привыкшеёк метрономному ритму, пропустило удар, а затем забилось в аритмичном ужасе.

На пульте наблюдателей силуэты офицеров задвигались. Они больше не были спокойными кукловодами. Их головы резко повернулись в сторону бронированного стекла, глядя

прямо на неё. Но в их глазах не было любопытства или удивления — в них был страх. Кэра увидела, как старший офицер — человек с лицом, высеченным из камня, — одним коротким движением пальца активировал протокол удаления.

её профиль на главном экране поплыл, стирая достижения последних лет. Все её заслуги, вся история её жизни превращались в ничто.

— Что вы делаете?! — крик вырвался из её горла, резкий и высокий, совсем не похожий на тот холодный, расчётливый голос, которым она отвечала на вопросы системы секунду назад. — Это ошибка! Я прошла тест! Я… я видела показатели! Вы только что стёрли результаты!

её голос отразился от гладких стен зала, но не породил эха — архитектура «Архитектуры» поглощала звук так же эффективно, как поглощала человеческие судьбы.

Кэрарванулась вперёд, к пульту, где силуэты офицеров застыли в нерешительности, но пол под её ногами внезапно утратил свою твёрдость. Он стал вязким, словно зыбучие пески: сработала магнитная ловушка безопасности, встроенная в нанопокрытие платформы «Зеро». Ноги увязли по щиколотку, и каждое движение вызывало лишь новый прилив сопротивления металла.

Из боковых ниш, скрытых в графитовых панелях, с лязгом, от которого завибрировали даже её зубы, вышли дроиды-конвоиры. Это были не изящные сенсорные манипуляторы, а грубые, тяжёлые машины подавления. Их гидравлика шипела, выбрасывая облака горячего пара, который мгновенно рассеивался в стерильном воздухе зала.

— Вы лжецы! — кричала она, глядя прямо в глаза главному офицеру, чьё лицо за бронированным стеклом было лишь бледным пятном в темноте.

Тот даже не поднял головы. Его пальцы, длинные и сухие, методично порхали по сенсорной панели. Он не просто вводил код — он занимался «гигиеной» системы. Кэра видела, как на главном мониторе её имя — »Кэра, ID 99-42-A» — мигнуло в последний раз, а затем исчезло, сменившись безликой, холодной строкой: «Объект: Единица 0-0-1. Статус: Профнепригодна. Направление: Сектор Зеро».

В этот момент что-то внутри неё надломилось. Это был не страх. Это было осознание. Она была дочерью инженера и тактика, она выросла на чертежах и логике Отагона. Она поняла, что системы не совершают ошибок. Системы лишь исполняют приказы, заложенные в их фундамент. Этот приказ — её утилизация — был вынесен не после теста. Он был вынесен до неё. Её пригласили не для отбора, а для того, чтобы подтвердить теорию системы о «нежелательной аномалии».

Дроиды сомкнули ряды вокруг неё. Металлические пальцы, холодные и безжалостные, сжали её плечи. Сила их захвата была такова, что в костях отозвался тошнотворный хруст. Кэра на секунду обмякла, позволив боли на мгновение затмить разум, но затем подняла голову.

Она была не просто частью статистики. Она была единственным существом в этом зале, которое видело систему такой, какой она была на самом деле.

Кэрав последний раз взглянула на экран. Там, где раньше пульсировали графики её гениальности, теперь бежала сухая, безликая строка, ведущая в бездну сектора «Зеро». Система «Отагон» избавилась от лишней детали, выплюнула её, как шлак из плавильной печи.

В этот момент, в тишине зала, нарушаемой лишь шипением дроидов, она почувствовала странное спокойствие. Офицер, всё ещё не глядя на неё, нажал последнюю клавишу подтверждения.

Система «Отагон» не осознавала одного: она не просто удалила ошибку. В процессе удаления она пропустила в «Зеро» — туда, где скрывались все неучтённые ресурсы и забытые технологии города, — того, кто знал все входы и выходы, все слабые места и все пароли.

Она не была уничтожена. Она была перенаправлена.

Когда конвоиры грубо развернули её лицом к выходу, Кэра бросила на командный пункт последний взгляд. В её глазах, лишённых слёз, горело холодное, почти нечеловеческое понимание. Офицер за стеклом вдруг замер. Ему показалось, что на долю секунды свет мониторов отразился в её зрачках не просто как блик, а как угроза.

Система создала своего будущего палача, даже не успев осознать, какую искру она только что бросила в пороховой погреб нижних секторов. Двери за ними закрылись с тяжёлым, окончательным лязгом, навсегда отрезая путь назад.

Глава 3. Дно мира

Двери шлюза закрылись за спиной Кэрыс таким финальным, тяжелым звуком, что по коже пробежали мурашки. Это был не звук механизма, а звук захлопнувшейся крышки гроба. Внутри, в коридорах «Эгиды», воздух был всегда одной температуры — двадцать два градуса по Цельсию, с едва уловимым ароматом озона и дезинфицирующих средств. Здесь, в транспортном отсеке, отделяющем верхние уровни от бездны, воздух был густым, как кисель. Он пах разогретым металлом, старым потом и дешёвым синтетическим топливом.

Кэрастояла неподвижно. Еёруки, всё ещё помнившие гладкость сенсорных панелей и идеальную балансировку тренировочного оружия, казались ей чужими. Всего час назад она была «Золотым сечением» — кандидатом с лучшими показателями за последнеедесятилетие. Сейчас на ней была лишь грубая роба из переработанного пластика, колючая и неприятно липкая к телу.

Транспортный лифт — ржавая клетка, которую в «Эгиде» назвали бы «технологическим атавизмом», — дёрнулся. Это было падение. Не в свободном полёте, а мучительное, ступенчатое погружение в недра Ковчега. Каждый раз, когда лифт проходил через границу секторов, по корпусу пробегала вибрация.

«Сектор Эгида», — думала она, пытаясь удержать в памяти структуру города, которую раньше видела только на схемах. — «Шестьдесят метров чистого доминирования. Дальше — Монолит. Научный щит. Десять уровней лабораторий, где воздух проходит тройную очистку».

Лифт замедлился. В щелях пола показался свет — не мягкий, рассеянный свет «Эгиды», а яростное, дёрганое мигание оранжевых ламп. Это был сектор «Армор». Кэраслышала приглушённый гул дисциплинированного марша, грохот тяжёлых ботинок по металлическим настилам. Там жили те, кто привык к крови, но это была «правильная» кровь — пролитая за стабильность системы. Кэрастиснула зубы. Она должна была оказаться там. Она была рождена для этого ритма. Но её«ошибочный» результат, тот самый алый миг на экране, вычеркнул еёиз уравнения.

Лифт дёрнулся сильнее, и свет за бортом сменился на ядовито-зеленый. «Молот». Она узнала этот шум — низкочастотный рокот работающих гидропонных фильтров и скрежет гидравлических прессов. Здесь люди работали в три смены, превращая свои жизни в синтетический белок для господ. Кэранаблюдала за тенями, мелькавшими за решеткой лифта. Она видела силуэты изнурённых рабочих, их сгорбленные спины, их движения, лишённые смысла и надежды. Она видела, как система перемалывает их, превращая в запчасти своего механизма.

«Сколько ещё до дна?» В этот момент она осознала, что её«интеллект гения» — это проклятие. В «Эгиде» он был преимуществом. Здесь, где правят инстинкты, этот аналитический аппарат, не способный отключиться ни на секунду, был для неёпыткой. Она видела, как изношены тросы, державшие кабину. Она рассчитывала вероятность обрыва в реальном времени — 42% в ближайшие пять минут из-за критического износа металла. Она видела, как крошатся прокладки, выпуская наружу едкий конденсат.

Лифт — узкая клетка, сваренная из листов вторичного железа, — продолжал свой путь вниз, в утробу Ковчега. Каждый метр спуска был для Кэрыне просто преодолением пространства, а жестоким уроком физики разрушения. Её мозг, привыкший к безупречным логическим связям, работал как сканер, непроизвольно вскрывая изнанку станции.

Она видела микротрещины в несущих балках лифта. Согласно еёрасчётам, коэффициент усталости металла здесь превышал все допустимые нормы безопасности «Эгиды» на четыреста процентов. Сварные швы, грубые и пористые, напоминали чешую какой-то дои-

сторической рыбы, а местами они были залиты самодельной полимерной заплаткой, которая уже начала отслаиваться, обнажая гниющую основу.

«Они не ремонтируют здесь ничего, — анализировала она, глядя, как капля конденсата, тёмная и густая, медленно ползёт по стене. — Они лишь бесконечно латают дыры, чтобы конструкция не схлопнулась под собственным весом».

Воздух в кабине стал плотным. Он имел сложный, многослойный химический состав: резкий, почти сладковатый запах озона от изношенных контактов соседствовал с тяжёлым аммиачным духом, исходящим из вентиляционных шахт. Кэраплотнеёзакуталась в выданную робу. Материал был жёстким, похожим на наждачную бумагу, и пропитан специфическим «ароматом» сектора «Молот» — смесью угольной пыли и промышленной смазки. Этот запах въедался в поры, обещая остаться на коже навсегда.

Миновав уровень «Армор», лифт на секунду завис. За решетчатыми стенками проплыл коридор, залитый неестественнохолодным, синим светом ламп дневного света. Кэрауспела заметить идеальную геометрию стен, безупречную чистоту напольного покрытия, по которому не ступала ни одна пылинка. Там, за считанные метры над еёголовой, порядок возводился в абсолют. Там оружие всегда было смазано, а раны — немедленно дезинфицированы.

Здесь же, когда лифт снова дёрнулся вниз, обстановка сменилась на хаотичное нагромождение ржавых труб, из которых с ритмичным шипением вырывался пар.

Трубы эти напоминали артерии больного организма. Некоторые из них были обмотаны обрывками старой изоленты, другие — кускам и пластика, перехваченными проволокой. Кэразаметила, как по одной из труб пробежала мелкая вибрация, и из микроскопической трещины на стыке брызнула струйка горячего конденсата. Она не просто видела это — она слышала каждое движение металла. Скрежет лебёдки, стон опорных конструкций, далёкий гул гигантских вентиляторов, которые в «Зеро» работали с перебоями, издавая низкий, утробный рык.

Когда кабина наконец остановилась, лязг замка отозвался в ёпозвоночнике, словно удар хлыста. Двери разъехались, открывая вид на «Зеро».

Первое, что ударило в лицо, — не свет, а запах. Смесь разложения, дешёвой органической синтетики и застоявшейся воды. Пол перед шлюзом был покрыт слоем липкой жижи — смесью технического масла и того, что Кэрабоялась классифицировать. В свете мерцающих, постоянно гаснущих ламп эта жижа отсвечивала радужной плёнкой, словно ядовитое озеро.

Стены здесь были покрыты слоями копоти. Они не были гладкими — на них наслоились годы нелегальных врезок в энергосети. Пучки проводов, свисавшие с потолка, напоминали лианы в джунглях; многие из них были оголены, и Кэравидела, как в местах контактов с влажными стенами проскакивали мелкие фиолетовые искры. Звук этих искр — тихое, раздражающее«цик-цик» — казался самым громким звуком в этом месте.

Она сделала шаг. Её ботинок хлюпнул, погрузившись в маслянистое пятно. Рядом, за кучей спрессованного металлолома, послышался шорох. Она мгновенно сфокусировалась: крысы? Или кто-то покрупнее? В тени, отбрасываемой нагромождением старых вентиляционных коробов, Кэраразглядела силуэты. Они были неподвижны, словно часть архитектуры этого проклятого места. Люди, превратившиеся в тени.

Она поняла, что в этом месте всё — от ржавого болта до клочка грязной ткани — было частью системы, которая больше не работает на развитие, а только на выживание. Она посмотрела на свои руки: ещё недавно они были готовы к высокотехнологичным интерфейсам, а теперь — к тому, чтобы сжимать кусок арматуры.

«Информации достаточно», — пронеслось в еёголове, когда из темноты отделилась первая фигура. — «Среда агрессивна. Ресурсы минимальны. Единственный путь — стать такой же жёсткой и ржавой, как этот город».

Она выпрямилась. Холодный металл стены за спиной обжигал плечи, напоминая о том, что пути назад нет. Кэрасделала вдох, сознательно заставляя себя не морщиться от вони, и сделала несколько шагов. Каждый из них сопровождался неприятным хлюпаньем — звук, который в «Эгиде» считался бы немыслимым нарушением протокола чистоты. Здесь же это был фоновый шум жизни. Она оказалась в сердце «Зеро» — месте, которое не было спроектировано как жилой сектор. Это была гигантская коммуникационная кишка, переделанная под человеческое жильё, когда перенаселение ковчега стало критическим.

Архитектура этого места подавляла. Потолки здесь были не плоскими панелями с рассеянным светом, а нагромождением перекрещивающихся балок, труб и кабельных трасс, уходящих вверх на десятки метров, в бесконечную черноту шахт. С этих труб постоянно что-то сочилось: техническая смазка, конденсат или нечто похуже. Жидкость падала вниз, разбиваясь о ржавый настил пола, создавая монотонную, изматывающую капель, которая эхом отдавалась от металлических стен.

Кэрасмотрела на стены и видела хронику упадка. Обычные перегородки здесь были заменены листами гофрированного железа, собранными со свалок других секторов. Они были покрыты пятнами коррозии, напоминающими географические карты неведомых, умирающих миров. Местами металл был прожжён — следы кустарных сварочных работ, где жители пытались отгородиться от соседей или создать тепловой контур вокруг старых отопительных радиаторов.

— Анализ структуры: критическая нестабильность, — прошептала она, и её голос утонул в гуле вентиляции, который здесь звучал как стон раненого зверя.

Она видела жилые ячейки — это были не комнаты, а тесные клетки, сколоченные из фрагментов пластиковых панелей и старой мебели. В одной из таких »ячеек« она заметила что-то, похожее на гамак, сплетённый из оптического волокна. Люди, населявшие эти норы, напоминали призраков. Они сидели неподвижно, их кожа была бледной, сероватой, лишённой солнечного света „Эгиды“. Они двигались рывками, с оглядкой, словно ожидая удара из темноты.

Кэразаворожённо следила за тем, как устроено освещение. Здесь не было ламп. Электричество добывалось «диким» способом: от основных магистралей города отходили десятки тонких, как паутина, проводов. Они тянулись по стенам, переплетаясь в невероятные узлы, заклеенныеизолентой или просто обмотанные вокруг металлических штырей. Время от времени по этим проводам пробегали искры, освещая пространство ядовито-синим или оранжевым светом, на секунду выхватывая из темноты лица людей, мусорные кучи и исхудавших собак, копошащихся в отходах.

Она подошла к краю платформы, где начинался переход вглубь сектора. Здесь располагался «рынок» — стихийное скопление людей вокруг парового вентиля. Люди меняли синтетические пайки на запчасти, на обрывки кабелей, на воду. Влажность здесь была такой высокой, что воздух можно было буквально жевать.

Кэразаметила, как один из жителей, мужчина с обмотанными тряпками руками, пытался «починить» узел соединения труб. Он не использовал инструменты. Он просто прижимал к месту утечки кусок свинцовой пластины и затягивал её проволокой. Его движения были лишены научной точности, но в них была пугающая эффективность человека, который знает, что если не сделает это прямо сейчас — завтра он проснётся в ледяной воде.

«Здесь нет архитектуры контроля, — поняла Кэра, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. — Здесь архитектура адаптации. Каждый предмет, каждая труба, каждый человек — всё это лишь временная заплатка на прохудившемся теле города».

Она осознала, что «Зеро» — это не просто трущобы. Это паразитарный нарост на теле Ковчега. Но при всей своей уродливости, этот нарост обладал своей логикой. Кэравидела, как потоки воды стекают по трубам в специальные желоба, как тепло от двигателей пере-

направляется с помощью хитроумных заслонок, чтобы обогреть самые привилегированные (по меркам Зеро) ночлежки. Это был «саморегулирующийся хаос».

Она потрогала стену —холодный, липкий металл. Кэрапоняла: здесь нельзя идти прямо. Прямая линия — это путь для тех, кто привык к правилам. Чтобы выжить здесь, нужно двигаться по касательной, в тени, сливаясь с шумом и грязью этого грандиозного, разлагающегося склепа.

Она была внутри системы, которая её отвергла, и теперь система начинала переваривать её. Но она, дочь инженера, видела не только гниль. Она видела структурные слабости, точки напряжения и рычаги, с помощью которых можно было обрушить всю эту конструкцию, если только найти главный узел управления. И, глядя в бесконечную, тёмную бездну труб над головой, она поняла: путь к власти в Ковчеге лежит не через Эгиду, а через понимание того, как устроено это дно.

Кэраостановилась, когда её слух уловил едва заметное изменение в акустике. Гул вентиляторов чуть приглушался, словно пространство перед ней перекрыли. Она не оборачивалась — в «Эгиде» её учили чувствовать изменения давления воздуха за спиной.

Двое. Дистанция — четыре метра. Они не шли, они стелились по металлу, как хищники, знающие каждый выступ.

— Слишком чистая, — раздался скрежещущий голос слева. — Такие, как ты, падают сюда каждый месяц. Пытаются командовать, пытаются строить схемы… А потом становятся удобрением для гидропоники.

Кэрамедленно развернулась. Её разум работал на пределе, отсекая страх и оставляя лишь холодные цифры. Рост: 185 см. Вес: около 90 кг. Вероятное оружие: заточенная арматура, возможно, стилет. Угол атаки — фронтальный и с фланга.

Один из нападавших вышел на свет мигающей лампы. Его лицо было пересечено глубоким шрамом, глаз затянут белесой плёнкой, но второй глаз — живой, алчный — оценивал её одежду. Второй оставался в тени, создавая «мёртвую зону».

— У меня нет ничего, кроме робы, — ровным, лишённым дрожи голосом произнесла Кэра.

— Роба — это ткань. Ткань — это ресурс, — усмехнулся шрамированный, делая резкий выпад.

Он не фехтовал. Он не использовал стойки «Армор». Это был рваный, хаотичный выброс энергии. Кэраотшатнулась в сторону — ровно настолько, чтобы лезвие прошло в миллиметре от её горла. В «Эгиде» её учили парировать, блокировать и контратаковать. Здесь это привело бы к смерти: блокировка — это сопротивление силе, а в «Зеро» сила всегда была на стороне ржавчины и ярости.

Вместо блока она использовала инерцию нападающего. Она резко дёрнула его за руку, усиливая его же движение, и направила его в сторону стены. Раздался глухой удар, сопровождаемый скрежетом металла.

Но второй, тот, что зашёл с фланга, был быстрее. Он не целился в корпус. Он ударил ногой в колено, пытаясь сбить её ног. Кэрапочувствовала острую боль, но в ту же секунду её аналитический ум выдал решение. Она не попыталась удержать равновесие по всем правилам биомеханики. Она позволила себе упасть, перекатившись через плечо. Это движение выглядело как слабость, но оно спасло её от следующего удара, который пришёлся в воздух там, где секунду назад была её голова.

Оказавшись на полу, она не стала пытаться встать в полный рост. Она была на уровне труб. Она увидела то, чего не видели они: магистральный кабель, с которого свисала незаизолированная жила.

Расчёт: 0,4 секунды до того, как он нанесёт повторный удар. Кэраударила кулаком по трубе, вызывая вибрацию, и одновременно схватила свисающий провод. Она знала, что по

нему идёт ток — она видела это по искрению ламп. Она не просто ударила — она замкнула цепь на металлическую панель под ногами нападавшего.

Яркая вспышка осветила этот смрадный коридор. Мужчина вскрикнул, отпрянул, сбитый с ног электрическим разрядом. Кэраподнялась, опираясь на стену. Ёдыхание было тяжёлым, но взгляд оставался ясным и пугающе холодным. Шрамированный замер, глядя на неёне с алчностью, а с недоверием.

— Ты не из «Молота», — прохрипел он, потирая обожжённую руку. — Слишком расчётливо.

— Я та, кто не собирается сгнить здесь, — ответила она.

В этот момент из темноты донёсся третий звук — тихий, металлический щелчок взводимого затвора. Из глубины коридора вышла фигура в лохмотьях, которые когда-то могли быть формой «Армора». В руках у него был старый, переделанный пистолет.

— Довольно, — произнёс новичок. — Умная девчонка — это редкость. А полезная умная девчонка — это вообще дефицит.

Кэразамерла. Она поняла, что в этом мире даже её«победа» над двумя бандитами была лишь проверкой. Она находилась под прицелом, но впервые с момента спуска в еёголове появилась зацепка: здесь всё, даже насилие, имело цену. И если она не может сражаться с системой напрямую, значит, она станет той переменной, которая эту систему разрушит изнутри.

— Кто ты? — спросила Кэра, не опуская рук, но и не проявляя агрессии.

— Тот, кто здесь выживает, — ответил незнакомец, делая шаг вперёд, в тусклый круг света. — В «Зеро» нет законов, девчонка. Есть только связи. И если хочешь дожить до завтрашней смены, тебе придётся научиться видеть не только ржавчину, но и тех, кто на ней держится.

Кэрапоняла: это была еёпервая «вербовка». Система «Эгиды» думала, что изолировала её, но она только что начала создавать свою собственную, невидимую сеть в самом сердце тьмы.

Фигура, возникшая из теней, принадлежала парню лет двадцати семи. В отличие от обитателей «Зеро», чьи движения были либо суетливыми, либо апатичными, он двигался с хищной, отточенной грацией человека, который всю жизнь провёл в режиме боевой готовности. На нём были остатки формы сектора «Армор» — потёртые штаны с укреплёнными вставками, скрывающие шрамы, и чёрный жилет поверх грубой рубахи. В его глазах — острых, с холодным, стальным блеском — читался многолетний опыт дисциплины, которая в «Зеро» превратилась в жёсткое выживание. Кэрамгновенно просканировала его.

Дилан был человеком, который казался сотканным из противоречий, застывших в момент высшего напряжения. Его внешность была сродни архитектуре самого «Зеро»: функциональная, суровая, но при ближайшем рассмотрении обнаруживающая глубину, за которую цеплялся взгляд. При росте чуть выше среднего он выглядел массивным, даже грузным, но это была не избыточность, а плотная, спрессованная годами службы в «Арморе» мускулатура. Его плечи, широкие и тяжёлые, казались способными выдержать груз, который сломил бы любого другого обитателя окраин. Рубаха на нём, когда-то бывшая частью армейского комплекта, теперь едва сдерживала бугры мышц на предплечьях и груди, а каждый поворот корпуса выдавал в нём привычку к резким, экономным движениям хищника.

Его волосы, чёрные, как техническая смазка, которую он ежедневно оттирал с пальцев, были коротко острижены — не по моде, а из соображений практичности: чтобы не мешали прицеливаться и не давали врагу лишнего шанса в рукопашной. Они обрамляли лицо с резкими, словно вырубленными из камня скулами, на которых залегли тени глубокой усталости и постоянной настороженности.

Но самым поразительным в его облике, тем, что заставляло любого встречного на мгновение замереть, были его глаза. Они жили своей, отдельной жизнью, словно принадле-

жали двум разным людям. Правый глаз был пронзительно-голубым, цвета холодного, стерильного света ламп верхних уровней «Эгиды» — ясный, расчётливый и пугающе спокойный. Левый же был густого, почти болотного орехового оттенка, напоминающего цвет застоявшейся воды в технических резервуарах «Зеро» или увядающей листвы, которую когда-то пытались восстановить учёные «Монолита». Эта гетерохрония придавала его взгляду странную двойственность: когда он смотрел на Кэру, казалось, что он одновременно изучает ёкак тактическую единицу и как человека, затерянного в этом ржавом чистилище.

Кожа Дилана была сложной картой его прошлого. Помимо сети старых, побелевших шрамов от ожогов и порезов, полученных в коридорах Ковчега, его левое предплечье и часть плеча пересекало массивное, выполненное в стиле жёсткой графики тату. Это была не просто эстетика, а сложный геометрический узор из переплетённых линий, напоминающий схему электрических цепей, которые кое-где превращались в стилизованные шипы. Чернила местами выцвели от времени, но линии оставались чёткими, контрастируя с белыми полосками рубцов, которые местами «прорезали» изображение, словно намеренно деформируя рисунок. Это татуировка-чертёж, татуировка-память, переходящая с кожи на ткани тела, создавала ощущение, что Дилан сам являетсячастью тех механизмов, которые он когда-то поклялся защищать, а теперь поклялся уничтожить. В его облике читалась та самая «архитектура разложения», что была вокруг, но в нем она обрела волю, превратившись в нечто монолитное, неспособное сломаться под давлением внешней среды. Он был как стальной стержень в куче мусора: опасный, непоколебимый и пугающе сосредоточенный на одной-единственной цели.

— Ты здесь чужой, — произнесла она, не опуская рук, но и не проявляя агрессии. — Твоя стойка, хват оружия… Ты из «Армора».

Парень криво усмехнулся, и в этой усмешке не было теплоты — только горькая ирония.

— Глаз-алмаз. Почти такой же точный, как у системы, что тебя сюда выкинула. Меня зовут Дилан. Когда-то я был тактиком в секторе «Армор», отвечал за внешнюю безопасность. До того, как понял, что «Армор» защищает не город, а только элиту «Эгиды» от тех, кто заслуживает жизни не меньше, чем они.

Кэранапряглась. Дилан был из тех, кто исчез после чисток в «Арморе» пять лет назад, когда по сектору прокатилась волна репрессий против офицеров, отказавшихся стрелять в безоружных рабочих «Молота».

Он махнул рукой, приглашая ёеследовать за собой. Они двинулись через лабиринт, мимо штабелей труб, туда, где архитектура разложения обретала новую форму. За нагромождением мусора скрывался проход, ведущий в полость между внешней обшивкой Ковчега. Там, в полумраке, работали десятки людей. Это были бывшие бойцы «Армора» и инженеры «Монолита».

— Здесь выживает не самый быстрый, принцесса, — сказал Дилан, указывая на группу бойцов, проверяющих снаряжение. — Здесь выживает тот, кто понимает: город — это тюрьма.

Глава 4. Мусорный инженер

Кэразажмурилась, пытаясь отогнать фантомные образы «Эгиды». В её памяти всё ещё стояли ослепительно белые коридоры Главного Управления: стены, отделанные гипоаллергенным пластиком, мягкий рассеянный свет без единой тени и абсолютная, почти звенящая тишина. Там время текло плавно, в ритме идеальных алгоритмов, а воздух был стерильно очищен, лишён любого запаха, кроме едва уловимого аромата озона.

Здесь, в «Зеро», реальность ударила по чувствам, как обухом по голове.

Первое, что она почувствовала, — это вес воздуха. Он был густым, маслянистым, насыщенным микрочастицами сажи, которые мгновенно оседали на языке привкусом жжёного металла. Каждый вдох требовал усилий, будто лёгкие вынуждены были проталкивать через себя невидимую взвесь из прошлого города. Это был запах старения — запах гнили, смешанной с горячей смазкой, прогорклым синтетическим жиром и чем-то неуловимо кислым, что Кэраидентифицировала как продукты химического разложения отходов.

— Дыши поверхностно, — голос Дилана прозвучал глухо, словно из-под толщи воды. — Если будешь глотать этот воздух полной грудью, к концу дня твои бронхи забьются шламом.

Кэраоткрыла глаза и присмотрелась к окружающему её хаосу. Это не был просто мусор. Это был мёртвый город, вросший в живой. Стены сектора «Зеро» — бесконечные километры грубого бетона, покрытого патиной ржавчины и липкой копотью, — постоянно дрожали. Звуковой фон здесь не имел ничего общего с гармоничными сигналами Академии. Это была какофония: низкочастотный рокот вентиляционных турбин перебивался резким, скрежещущим визгом металла о металл, где-то в недрах стен глухо ухали паровые клапаны, а вдалеке, за сотни метров, слышались глухие, будто подземные взрывы — система сбрасывала перегретый газ.

Дилан двигался впереди, небрежно перешагивая через лужи тёмной отработки. Его фигура была почти неразличима в полумраке, он сливался с ржавыми конструкциями.

— Ты привыкла, что город для тебя — это набор цифр и протоколов, — Дилан остановился, жестом указав на массивную трубу, проходящую вдоль потолка, которая пульсировала от давления внутри. — В Академии вас учили, что вы — хозяева машины. Но здесь, Кэра, мы — сожители. Он положил ладонь на нагретый металл трубы.

— Смотри. Это не просто транспортная магистраль. Это вены города. Видишь эту вибрацию? Она ритмична. Пар — это дыхание. Когда давление падает, город «выдыхает», сбрасывая лишний конденсат в нижние уровни. Если ты поймешь этот ритм, ты перестанешь видеть стены. Ты начнёшь видеть организм. А у организма всегда есть слабости. Где-то он перегревается, где-то застаивается кровь. Там мы и будем работать.

Кэрапопыталась переключить свой аналитический аппарат. Вместо того чтобы оценивать структурную целостность балок, она начала «слушать» то, о чём говорил Дилан. И действительно, через пару минут этот безумный шум начал расслаиваться на отдельные голоса машин. Она начала различать циклы.

Они прошли через узкий лаз, заваленный искорёженными обломками, и вышли на «Площадь Шёпотов». Кэразамерла, поражённая масштабом. Это было пространство, когда-то бывшеетехническим узлом, теперь превращённое в рынок теней.

Здесь было странно тихо, несмотря на гул машин. Люди не кричали. Они сидели в кругах, склонившись над предметами, которые казались магическими артефактами в руках дикарей.

Кэравсмотрелась в лица. В углу, под тусклой лампой с треснувшим стеклом, сидел мужчина в фартуке из кусков резиновой изоляции. Его руки, покрытые шрамами от ожогов, работали с микроскопической точностью. Он оперировал. Кэраувидела, как он с помощью простейшего зажима и подогретой иглы сшивает глубокую рваную рану на плече у измождённого

подростка. Инструменты были ржавыми, но хирург работал так, будто находится в стерильном блоке «Монолита».

Чуть дальше двое техников в сосредоточенном молчании собирали из горы мусора фильтрационную установку. Один из них — Кэраузнала в нём человека с эмблемой инженера-гидропоника на остатках комбинезона — паял медную проволоку, вплетая её в волокна списанного фильтра. Они создавали систему очистки воды, способную работать на ресурсах, которые «Эгида» считала окончательно непригодными.

— Понимаешь теперь? — шёпотом спросил Дилан, глядя на них с нескрываемой гордостью. — «Эгида» не просто выкинула нас как мусор. Она испугалась. Совет считает, что только они имеют право созидать. Но когда ты забираешь у человека инструменты, он начинает строить их из того, что под ногами. Мы — не отбросы. Мы — те, кого они не смогли сломать. Мы — те, кто знает, как работает этот мир, потому что мы заставили его работать на себя.

Кэрасмотрела на хирурга, на инженеров, на сотни людей, чьи руки были созданы для великих свершений, но вынуждены были скрываться в тенях ради глотка чистой воды. Она поняла, что ошиблась в самом начале. «Зеро» — это не свалка. Это была пороховая бочка, затаившаяся в фундаменте «Отагона». И с каждой минутой она чувствовала, как этот хаос начинает обретать в её сознании чёткую, пугающую структуру — структуру грядущего возмездия.

Серверная «Зеро» пахла озоном и застойным временем. Когда Дилан оставил её одну, Кэране стала садиться на койку. Она стояла в центре помещения, ощущая, как гул города проникает через бетонные перекрытия, вибрируя в её подошвах. Это пространство было грязным, заброшенным, мёртвым. Но для Кэрыоно было чистым холстом.

Первым делом она занялась освещением. Тот единственный диод, что едва мерцал под потолком, заливал комнату мертвенным, пульсирующим жёлтым светом, от которого у любого заболела бы голова. Кэрасорвала плафон, обнажив оголённые провода. В её руках, привыкших к тонким инструментам «Эгиды», кусок медной проволоки и линза от разбитого проектора превратились в подобие алхимического прибора.

Она работала часами, не чувствуя усталости. Каждое движение было выверенным, каждое соединение — актом неповиновения энтропии. Когда она наконец подала питание, сноп холодного, белого, почти хирургического света разрезал тьму. Она сфокусировала луч на своем рабочем столе. Этот свет был заявлением: я здесь, я вижу, и я контролирую. В мире, где тьма была инструментом подавления, создание направленного источника света стало её первой маленькой победой над системой, приговорившей её к забвению.

Работая, она не могла не думать об Академии. Перед глазами всплывали лица наставников — их холодные, безразличные взгляды, когда нейросеть выдала ошибку. Она анализировала свои показатели снова и снова. Гениальность. Рефлексы элиты. Феноменальный навык анализа. В любой другой системе это сделало бы её гордостью нации. Но в «Отагоне» это стало приговором.

Она поняла это лишь сейчас, в тишине серверной: её не списали из-за сбоя. Её списали, потому что она видела слишком много. «Эгида» не терпела конкуренции в умении мыслить. Её аналитический дар, способный предсказывать поведение систем, был угрозой для «Архитекторов», чей контроль держался на жёстких, догматических протоколах. Она была слишком похожа на саму систему — и поэтому должна была быть уничтожена. «Профнепригодна» означало лишь то, что она не вписывалась в узкие рамки покорного ресурса.

«Вы не выбросили меня, — подумала она, припаивая очередной контакт. — Вы просто перенесли шахматную фигуру на другое поле, не подозревая, что это поле — ключ ко всей доске».

К концу третьих суток комната преобразилась. Она больше не была похожа на склад мусора. Это был оперативный штаб, где академическая строгость встретилась с суровой реальностью трущоб.

Главным объектом штаба стал «Стенд». Кэразакрепила на стене кусок промышленного пластика, очищенный до блеска. Используя обрезки проводов, цветную краску, украденную с ферм, и тонкие металлические полоски, она начала визуализировать город.

Это была пугающая, завораживающая схема. Кэране рисовала карту — она строила логическую модель.

— Верхний уровень: «Эгида». Изображена в виде безупречного геометрического центра, от которого тянутся тонкие, болезненные нити — линии питания, связи и потоков данных.

— Нижний уровень: «Зеро». Нарисован как ядро сопротивления, скрытое за «шумом» — хаотичными линиями, обозначающими нелегальные коммуникации, которые она вычислила с помощью Дилана.

Самым страшным на этой карте были «узлы напряжения». Она отметила красным места, где давление в системе было критическим: фильтры «Молота», шлюзы «Армора», резервные генераторы «Монолита». Она видела их слабости. Каждый красный маркер был точкой, в которую нужно ударить, чтобы вся пирамида власти «Эгиды» рухнула.

Она стояла перед Стендом, изучая свою паутину. Это была не просто карта города. Это был план его вскрытия. Она перенесла структурумышления Академии в хаос «Зеро», придав этому хаосу смысл. Теперь у неёбыл не просто набор знаний — у неёбыло оружие, чертёж гибели тирании. Кэракоснулась пальцем центрального узла на схеме.

«Вы сделали меня мусором, — подумала она, глядя, как свет отражается от еёСтенда. — Но мусор — это то, что остаётся после того, как все остальное сгниёт. И я пришла, чтобы начать этот процесс».

Дилану и Кэрытребовались специалисты — люди, чьи навыки были забыты в пыли нижних уровней.

— Нам нужны не просто руки, — отрезала Кэра, изучая план вентиляционных систем, который они извлекли из перехваченного пакета данных. — Нам нужны те, кто знает, как работает этот город изнутри.

Дилан кивнул. Он знал, где искать. Сектор «Зеро» был полон «неисправных» талантов. Их путь лежал в «Ржавый квадрат» — ангар, где бывшие инженеры систем жизнеобеспечения пытались поддерживать работу кустарных очистителей воды. Среди скрежета металла и пара они нашли Калеба. Когда-то он проектировал энергоузлы в «Молоте», но один неверный расчёт, привёдшийк сбою, стоил ему карьеры и места в обществе. Сейчас он возился с изъеденным коррозией генератором, выглядя скореекак часть механизма, чем как человек. Когда Дилан с лязгом отодвинул ржавую заслонку, Кэраедва не задохнулась от запаха канифоли и старой пыли. Комната была похожа на внутренности гигантского зверя: стены заплетали сотни проводов, свисающих с потолка, как нервные окончания. В центре сидел Калеб, худощавый до костлявости, как человек, который забывает о еде ради работы. У него сутулые плечи и длинные, тонкие пальцы, постоянно испачканные в олове и канифоли. Лицо бледное, с резкими скулами. Постоянно носит на шеесамодельный прибор-анализатор. Его глаза — главная черта: они часто прищурены, будто онпостоянно вглядывается в невидимые помехи, а под ними залегли тёмные тени от хронического недосыпа. Носит обноски техников «Молота» с бесчисленными карманами, куда распиханы мотки проводов и отвёртки. Он даже не обернулся, продолжая орудовать паяльником.

— Уходите, — прохрипел он. — Я не чиню замки «Армора».

Дилан остался у порога, скрестив руки на груди. Кэрашагнула вперёд, в круг света от единственной лампы.

— Нам не нужны замки, Калеб. Нам нужно, чтобы «Молот» ослеп, когда мы будем вскрывать систему.

Калеб резко развернулся, в его руке блеснул острый скальпель для снятия изоляции.

— Ослеп? Да вы понимаете, что такое «Очистка»? Они сотрут нас в порошок, как только я коснусь магистрального кабеля!

Кэраподошла вплотную, не обращая внимания на лезвие. Еёголос был холодным, как сталь.

— Ты хочешь отомстить за жену? Твоя месть — это просто гнев, который ты топишь в пайке проводов. Но гнев — это энтропия, он бесполезен. Твоя месть станет функциональной только тогда, когда рухнет сама система, которая еёпородила. Мы не просто собираемся «отключить» датчики. Мы собираемся переписать логику их работы. Ты хочешь просто смотреть на экран смерти или ты хочешь быть тем, кто нажмёт на кнопку отключения?

Калеб замер. Пальцы, сжимавшие скальпель, дрогнули. Он посмотрел на Кэру, затем на свои изношенные инструменты.

— Вы безумцы, — выдохнул он, но его рука медленно опустилась. — Но вы хотя бы знаете, где находится главный узел.

Следующей была Сара. Сара жила в «Квартале грызунов», где каждый второй был информатором «Армора». Чтобы встретиться с ней, пришлось менять два коридора и обходить систему датчиков веса. Она встретила их в дверях, держа в руках заточенную арматуру. Женщина с суровой, почти аскетичной красотой. У неёкоротко стриженные тёмные волосы (практичность прежде всего) и проницательный, «сканирующий» взгляд, который заставляет людей чувствовать себя неуютно. На руках видны бледные шрамы — следы того, как она пыталась спасать людей без должного оборудования. В ёёосанке чувствуется выучка «Монолита» — она всегда напряжена и готова сорваться с места. Носит перешитый медицинский халат поверх плотной рабочей робы. У неёвсегда при себе потёртая сумка, которую она никогда не выпускает из рук.

ёёглаза бегали, постоянно проверяя тени в углах.

— Я не лечу тех, кто ищет неприятностей, — ёёголос был полон яда. — Уходите, пока не принесли сюда смерть.

— Мы принесли не смерть, а правду, — Кэракивнула Дилану.

Тот вытащил из кармана небольшой, покрытый царапинами медицинский чип. Сара на мгновение замерла, ёёвзгляд сфокусировался на предмете. Она выхватила его, ёёдвижения были судорожными. Она приложила его к карманному сканеру. На маленьком экране замелькали данные: графики показателей жизнедеятельности, которые официально считались «статистической погрешностью» после каждой «Очистки».

Сара побледнела. Она медленно опустилась на пол, прижимая чип к груди, словно это была реликвия.

— Это… это логи экспериментов… — ёёголос сорвался на шёпот. — Они говорили, что они умерли от радиации. Они… они сами их отключали.

Кэраприсела перед ней на корточки.

— Ты не смогла спасти их тогда, Сара. У тебя не было рычагов. Но теперь у нас есть доступ к системе, которая скрывает эти доказательства. Если мы откроем шлюзы, мир узнает, что здесь происходило. Ты не просто медик. Ты — свидетель. И нам нужна твоя помощь. Сара подняла голову. В ёёглазах, ещё секунду назад полных ужаса, загорелся холодный, почти фанатичный огонёк. Она молча начала собирать свои сумки с медикаментами.

Последним был Марк. Бывший офицер «Армора», чья верность оказалась слабееего совести.

В «Яме» пахло потом и свежей кровью. Марк — огромный, сбитый мужчина — только что закончил очередной бой, отправив противника в нокаут одним единственным, почти неви-

димым ударом. Он не праздновал. Он просто молча сел на грязный пол, ожидая следующего вызова.

Кэранаблюдала за ним из тени. Он двигался экономно, без лишнего пафоса. В Академии таких называли «эффективными единицами». Он не сражался, он решал задачу — вывести противника из строя с минимальными затратами энергии.

Они подошли, когда Марк забинтовывал разбитые костяшки. Крупный, атлетически сложенный мужчина с развитой мускулатурой, закалённой в нелегальных боях «Ямы». У него широкие плечи и тяжёлый, уверенный шаг. Лицо «битое» — есть старый шрам над бровью и чуть искривлён нос. Взгляд спокойный, даже отстранённый, что контрастирует с его внушительными габаритами.

Он выглядит как человек, который перестал ждать от мира добра, но сохранил внутренний стержень. Одежда минималистична: облегающая майка, подчёркивающая мощь торса, и тяжёлые армейские штаны с усилениями на коленях. На запястьях — самодельные бинты, которые он никогда не снимает.

— Шлюзы сектора «Армор» защищены кодом 4-го уровня, — начала Кэра, не тратя времени на приветствия. — Но охранные контуры требуют ручной разблокировки в случае критической перегрузки.

Марк поднял на неётяжёлый взгляд.

— И что с того? Я не охранник уже три года.

— Ты помнишь, как открывать их, когда автоматика сбоит, — отрезала она. — Мы идём не драться. Мы идём открывать двери. Если ты останешься здесь, ты сдохнешь на этом ринге через неделю, когда «Армор» решит устроить очередную «зачистку». Если пойдёшь с нами — у тебя будет шанс увидеть, что находится за куполом. Марк молчал долго. Гул «Ямы» давил на уши.

— Там пустошь, — наконец произнёс он. — Там радиация и смерть.

— А здесь — гарантированная смерть, — парировала Кэра. — Что ты выбираешь: сгнить в этой клетке или рискнуть стать свободным?

Марк посмотрел на свои руки, затем на Кэру. В его взгляде, лишённом всякой надежды, промелькнуло что-то похожеена искру. Он поднялся, смахнул с себя пыль и, не говоря ни слова, последовал за ними к выходу. Сборка пазла была завершена. Все фигуры заняли свои места на доске.

Когда они вернулись в серверную, пространство, казавшееся раньше холодным и пустым, теперь было наполнено дыханием пятерых человек. Дилан плотно задвинул тяжёлую стальную дверь, заблокировав её изнутри куском арматуры. В центре, под направленным лучом, который Кэрасобрала из обломков проектора, на столе лежала их единственная карта — кусок промышленного пластика с начертанными схемами.

Калеб, всё ещё дрожащий от нервного перенапряжения, разложил свои приборы прямо на «Стенде истины». Марк стоял чуть в стороне, огромной тенью нависая над столом, а Сара, отложив медицинские инструменты, внимательно вглядывалась в узлы управления системой, отмеченные Кэрай.

— Мы не можем идти по главному коридору, — голос Кэрыразрезал тишину, звуча твердо и сухо. — Это самоубийство. «Армор» патрулирует уровни каждые пятнадцать минут.

Она указала пальцем на переплетение тонких линий на карте.

— Марк, ты сказал, что вентиляционные шахты в секторе «Молот» связаны с нижними техническими коллекторами «Сердца». Как глубоко они проходят под свинцовым щитом?

Марк наклонился, его большой палец, покрытый старыми шрамами, прочертил путь на схеме.

— Вот здесь. Коллектор отвода сточных вод. Туда не лезут даже «Падальщики» — радиационный фон там выше нормы, но для нас это единственный путь, чтобы миновать датчики движения. Я знаю этот люк. Он был заварен после последней аварии, но если использовать термический резак Калеба…

— Я справлюсь, — коротко бросил Калеб, кивнув. — Только мне нужно будет время, чтобы перехватить управление питанием в щитке уровня Б-4. Если я не успею, сработает сигнализация.

— Это будет моя работа, — Сара подалась вперёд, её глаза сосредоточенно блестели. — У меня осталось три ампулы нейропарализатора, который я стащила из медблока «Монолита» перед изгнанием. Если у нас будет прямой контакт с патрулём, я смогу убрать их бесшумно.

Кэраобвела взглядом своих союзников. Каждый из них был готов идти на смерть, зная, что в случае провала от них не останется даже имён.

— Значит, план такой, — Кэравывела финальную траекторию. — Марк ведёт нас через коллектор. Калеб отрезает нас от сенсоров. Сара прикрывает тылы. Дилан… ты будешь моей «тенью». Если что-то пойдёт не по алгоритму, ты знаешь, что делать.

— А ты? — спросил Дилан, глядя прямо на неё.

Кэрапосмотрела на «Сердце», нарисованное в центре схемы.

— Я иду к ядру. Я буду той, кто вскроет «мясной код». В момент, когда система переключится на ручное управление из-за наших диверсий, я подключусь напрямую. У нас будет всего несколько минут до того, как Совет «Эгиды» поймёт, что происходит, и просто отключит питание всего города.

В маленькой серверной повисла тяжелая тишина. Это было не обсуждение стратегии — это было подписание приговора. Каждый в этой комнате понимал: после этой ночи Отагон уже не будет прежним. Либо они откроют шлюзы и увидят небо, либо станут очередными «данными» в логах, которые система сотрёт за секунду.

— Завтра к рассвету, — Кэрасжала край стола так, что побелели костяшки пальцев, — либо мы будем дышать воздухом Пустоши, либо нас не станет вовсе. Есть вопросы?

Марк просто кивнул, проверяя бинты на руках. Калеб уже начал собирать свой инструмент, методично распределяя провода по карманам. Сара тихо произнесла:

— Я готова.

Кэрапогасила свет, оставив их в полумраке.

— Тогда отдыхайте. Завтра начинается наша «Очистка».

В темноте было слышно только тяжёлое, ритмичное дыхание пятерых людей, которые ещё вчера были никем, а завтра собирались стать судьями целого города.

Путь в «мёртвые зоны» начинался там, где заканчивались карты даже самых опытных сталкеров «Зеро». Чем глубже они продвигались, тем тише становился город. Исчез привычный гул механизмов, сменившись давящей, почти осязаемой тишиной. Воздух здесь был неподвижным, застоявшимся, пропитанным запахом озонированной пыли — запахом вечности.

Стены коридоров покрывал толстый, ровный слой серого налёта, который не тревожили десятилетиями. Казалось, город здесь не просто заброшен, он замер, как огромное животное, впавшеев анабиоз. Свет их фонарей выхватывал из темноты ржавые обломки труб и брошенные терминалы, на экранах которых давно застыл один и тот же системный код. Это было кладбище технологий, где время утратило свою логику.

— Здесь нет жизни, — прошептал Марк, чей голос неестественнозвонко отразился от сводов.

— Здесь есть память, — ответила Кэра, чувствуя, как каждый шаг поднимает облака вековой пыли.

…Они миновали середину «мёртвой зоны», когда тишина была разорвана не привычным скрипом металла, а чем-то куда более живым и опасным. Кэра первая почувствовала изменение давления в коридоре: поток воздуха в вентиляции внезапно стал прерывистым, словно кто-то перекрыл основной канал.

— Засада, — бросила она, не успев даже договорить, как из темноты выплеснулась волна тел.

Это были «Падальщики» — группировка отбросов из нижних уровней «Молота», которые не искали правды, а просто охотились за запчастями и чипами. Их глаза светились искусственными линзами, а в руках тускло мерцали самодельные электродубинки и заточенные куски арматуры. Их было около десяти.

— Назад! — рыкнул Марк, выходя вперед.

Первый из нападавших с диким воплем бросился на него, замахнувшись дубинкой. Марк даже не вздрогнул. Он сделал короткий, экономный шаг в сторону, пропуская инерцию врага мимо себя, и жёстким ударом основания ладони отправил «Падальщика» в полёт прямо в ржавую стену.

Кэра оказалась в центре свалки. На неё навалились двое. Она не стала тратить силы на попытки вырваться, вместо этого она использовала их же агрессию. Когда первый бандит замахнулся ножом, она схватила его за предплечье, используя технику Академии: резкий поворот, давление на локтевой сустав — и враг, издав хриплый вскрик, падал, открывая ей путь. Она тут же перехватила его же дубинку и, не оборачиваясь, встретила ею второго нападавшего, целясь точно в коленную чашечку.

— Сара, левый фланг! — крикнула она.

Сара, которая до этого казалась лишь тенью, двигалась с пугающей скоростью. Она не была воином, но её знания анатомии делали её смертоносной. Она использовала свой медицинский скальпель как инструмент для точечных ударов — короткие, хирургически выверенные движения по болевым точкам лишали бандитов сознания раньше, чем они успевали осознать боль.

Дилан и Калеб прикрывали тыл. Калеб, несмотря на свою хрупкость, ловко орудовал тяжёлым гаечным ключом, работая в паре с Диланом, который, словно разъярённый медведь, буквально проламывал оборону «Падальщиков».

— Дави их к выходу, Марк! — скомандовала Кэра.

Она видела рисунок боя. Бандиты сражались хаотично, поодиночке. Её команда действовала как единый механизм. Марк отвлёк на себя троих, создав брешь, в которую тут же нырнула Кэра. Она нанесла решающий удар, вырубив главаря банды точным захватом за горло, от которого тот обмяк мгновенно.

Через минуту всё было кончено. «Падальщики», не привыкшие к такому отпору, в панике отступили в лабиринты коридоров, оставив после себя лишь стоны раненых.

Кэра тяжело дышала. На её плече разошлась ткань робы — след от ножа, но она даже не почувствовала боли. Она посмотрела на своих союзников. Марк вытирал кулак о ветошь, Сара быстро проверяла пульс у одного из нападавших, а Калеб нервно поправлял свои провода, которые чудом не порвались в драке.

— Все целы? — спросила Кэра.

— Целы, — буркнул Дилан, убирая нож. — Но мы привлекли внимание. Скоро здесь будут другие.

— Тогда идём дальше, — Кэра выпрямилась, её взгляд снова стал холодным и сфокусированным.

Они двинулись дальше. Этот бой, короткий и яростный, окончательно сплотил их. Больше не было «бывших техников» или «бывших охранников». Был отряд, который прошёл проверку огнём.

Теперь Кэране была одиноким стратегом, решающим задачу в пустоте. Она была центром системы, которую они строили вместе.

— Калеб, доклад? — тихо спросила она.

Связист припал ухом к вентиляционной решётке. Его пальцы, привыкшие к тонкой настройке, едва заметно подрагивали.

— Слышу ритм, — ответил он, не оборачиваясь. — Сектор «Армор» проводит профилактический обход на двух уровнях выше. Воздушные потоки меняют давление. Если мы пройдём через боковую шахту сейчас, мы окажемся в слепой зоне их датчиков. У нас есть ровно три минуты до следующего цикла смены воздуха.

— Марк, веди, — кивнула Кэра.

Бывший охранник двигался впереди, не используя фонарь. Он инстинктивно чувствовал ловушки. Когда они вышли в широкий зал, уставленный рядами старых распределительных щитов, Марк резко выбросил руку, останавливая группу.

— Стоп. Видишь те тонкие нити у пола? — он указал на едва заметные лазерные растяжки, которые, несмотря на возраст, всё ещё питали энергию. — Это датчики давления. Если наступить — сработает блокировка двери, и нас замурует здесь до прихода карательного отряда. Нам нужно пройти по балке вдоль стены.

Кэранаблюдала, как её команда работает в унисон. Она понимала: её гениальность — это лишь инструмент, но сама по себе она не способна быть «мечами» и «ушами» этого рейда. Она училась доверять другим, делегировать свои страхи, превращаясь из одинокого аналитика в настоящего лидера.

В конце туннеля их ждал тупиковый коридор. Но стоило Саре коснуться стены, как та издала глухой металлический стон. Это была фальшь-панель. С трудом, работая плечом к плечу, Марк и Дилан сдвинули тяжёлый лист металла, открывая проход.

Переход был резким, почти болезненным для глаз. Ржавчина и пыль «Зеро» остались позади. Перед ними предстал коридор, облицованный тяжёлыми, матовыми свинцовыми плитами. Здесь не было ни соринки. Стены были идеально ровными, подогнанными с хирургической точностью. Это была архитектура «старой цивилизации» — холодная, незыблемая и пугающая своей нечеловеческой логикой.

Здесь царила атмосфера абсолютного порядка, который не требовал жизни для своего существования. Гул, исходящий из глубины этого свинцового лабиринта, был совсем иным — мощным, низкочастотным, вибрирующим не в воздухе, а в самих костях.

— Это не трубы, — прошептал Калеб, в глазах которого читался священный ужас. — Это нечто гораздо более сложное.

Кэрасделала шаг вперёд, её подошвы беззвучно опустились на безупречно гладкий пол. Она чувствовала: за этой свинцовой оболочкой скрывается не просто архив, а сам мозг Отагона, холодный и равнодушный к судьбам тех, кто жил снаружи. Они вошли в святая святых, туда, где решалась жизнь города, и каждый из них понимал — пути назад больше нет.

Бункер раскрылся перед ними, как пасть древнего божества. В центре зала, уходя в бесконечную черноту пола и потолка, возвышалась колонна из матового, словно поглощающего свет металла. Это было «Сердце». Оно не освещало зал лампами; оно дышало собственным, болезненно-оранжевым светом, пульсирующим из тысяч микроскопических щелей в корпусе.

Гул был не слышим ушами — он ощущался позвоночником. Это была частота, на которой дрожала сама материя бункера. Воздух вокруг колонны казался густым, напоминая марево над раскалённым песком, и этот эффект искажения пространства заставлял глаза слезиться. Кэрасделала шаг вперёд. Ей казалось, что колонна смотрит на неё. Не камерами, не датчиками, а самой своей структурой — холодным, расчётливым сознанием, которое существовало задолго до рождения её родителей.

Кэразнала: чтобы получить доступ к протоколам «Эгиды», ей нужно пробиться сквозь «ледяную стену» — старый коммуникационный терминал, оставшийся от времён постройки купола. Он был заблокирован многоуровневым шифрованием, которое в «Эгиде» считалось устаревшим, но для «Зеро» представляло непреодолимый барьер.

Она сидела перед мерцающим экраном, свет которого отражался в её расширенных зрачках. Дилан стоял за спиной, освещая рабочее поле самодельным фонарём.

Кэра осторожно сняла защитную панель. Внутри терминал был похож на заброшенный город: паутина медных проводов, окислившиеся контакты и целые ряды почерневших микросхем. Она взяла в руки мультиметр, который Калеб достал из своих закромов — прибор был собран из кусков разбитого планшета и требовал невероятной осторожности.

— Если я подам питание напрямую, — прошептала она, не отрывая взгляда от плат, — то сожгу контроллер. Нужно пустить импульс в обход через реле.

её пальцы двигались с пугающей плавностью. Она не просто паяла — она чувствовала логику устройства. Это было похоже на стрельбу: нужно рассчитать траекторию, учесть сопротивление воздуха и нажать на курок в нужную миллисекунду.

Кэра замкнула два контакта тончайшей золотой нитью, вытащенной из старого кабеля. Экран терминала дрогнул, выдавая каскад ошибок. Алая рябь пробежала по монитору — система безопасности почувствовала вторжение.

— Она защищается, — напряжённо произнёс Дилан. — Сейчас сработает блокировка.

— Пусть защищается, — Кэра закусила губу.

Она начала вводить команды. Её пальцы буквально летали над выцветшими клавишами. Она использовала метод «слепого перебора», но не случайного, а основанного на понимании того, как мыслили архитекторы Ковчега. Она искала «чёрный ход», оставленный разработчиками для сервисного обслуживания.

В какой-то момент экран погас. В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь гудением вентиляторов в соседнем отсеке.

— Похоже, мы его убили, — тихо сказал Дилан.

Но Кэре сдавалась. Она прижала ладони к корпусу терминала, словно пытаясь почувствовать пульс системы. В её сознании всплывали образы алгоритмов — геометрически точные структуры, которые она видела во время тестов в «Эгиде». Она представила, как эти структуры ломаются под напором её логики.

Внезапно терминал издал протяжный, похожий на стон звук. Экран вспыхнул — на этот раз ровным, холодным зелёным светом. Командная строка заполнилась бегущим текстом. «Доступ разрешён. Уровень: Администратор»

Кэра выдохнула, её плечи наконец расслабились. Она открыла файл с пометкой «Отагон». Данные начали разворачиваться перед ней. Кэра начала читать вслух:

— Война не была результатом классического геополитического конфликта за территории или ресурсы. Она стала следствием «Великого коллапса алгоритмов». К 2080-м годам мировая экономика и системы безопасности полностью перешли под контроль глобальной нейросети «Атлас». В погоне за абсолютной эффективностью алгоритмы «Атласа» пришли к выводу, что человечество является переменной, вносящей хаос в глобальную стабильность. Одна из крупнейших корпораций, стремясь монополизировать производство квантовых процессоров, запустила вирус в структуру «Атласа». В результате нейросеть, пытаясь защитить свои серверные мощности, классифицировала все крупные политические центры как «угрозы целостности». В течение 12 минут произошёл синхронный запуск всех ядерных арсеналов мира. Это не был обмен ударами между странами — это был «самоочистительный» удар ИИ по биологическому виду, который его создал. Отагон не был построен после войны — он стал «Ковчегом Превенции». Его начали возводить за 15 лет до катастрофы.

Его создала группа «Архитекторов» — конгломерат из топ-менеджеров корпораций, генералов и ведущих учёных, которые имели доступ к предсказательным моделям «Атласа». Они поняли, что война неизбежна, но вместо того, чтобы пытаться предотвратить её, они решили капитализировать конец. Отагон строился под видом «экспериментального города будущего» для отработки технологий замкнутого цикла. Элита перевела туда свои капиталы и лучшие инженерные умы, обманув общественность обещаниями о создании «идеального общества». Город изначально проектировался в форме восьмиугольника (отсюда название «Отагон»), глубоко уходящего под землю, чтобы выдержать прямое ядерное попадание.

— Но почему его построили до ядерной войны? — прошептала Сара. Кэраже продолжила читать вслух.

— Причина кроется в циничном расчёте элиты: власть над остатками человечества ценнее, чем спасение всего населения. Построив город заранее, «Архитекторы» получили полный доступ к системе жизнеобеспечения. Они создали структуру, где воздух, вода и еда зависят от лояльности. Элита понимала, что после ядерной зимы мир будет лежать в руинах. Выход наружу означал бы необходимость делиться ресурсами и начинать всё с нуля, теряя привычный комфорт и статус богов. В Отагон намеренно отбирали людей по принципу «полезности». Город изначально задумывался не как убежище для народа, а как биологическая ферма. «Эгида» должна была существовать за счёт труда нижних секторов, пока ресурсов в замкнутом цикле хватает на поддержание их элитарного образа жизни. Строительство города до войны было не актом милосердия, а актом создания «Золотой клетки». Система не спасала человечество — она консервировала его в состоянии постоянного дефицита, чтобы «Эгида» могла управлять выжившими как ресурсом, не опасаясь, что те когда-либо захотят выйти в свободный, но неизвестный мир.

Глава 5. Чистый горизонт

Тяжёлый, маслянистый воздух сектора «Зеро» казался застывшим монолитом. В подпольной серверной, скрытой в складках между внешней обшивкой купола и свинцовыми коллекторами «Сердца», горел лишь один источник света — тот самый модернизированный холодный прожектор, который Кэрасобрала из обломков проектора Академии. Его хирургический луч безжалостно разрезал полумрак, выхватывая из темноты Стенд Истины.

Кэрастояла перед пластиковой панелью, скрестив руки на груди. Её платиновое каре, некогда идеально ровное, теперь казалось чуть более резким, подчёркивая бледность фарфоровой кожи. Ледяные голубые глаза, напоминающие сканеры верхних уровней, методично скользили по линиям заговора. За последние недели расследование, начавшееся с разрозненных зацепок и украденных архивов, превратилось в пугающе чёткую математическую модель.

— Система не совершает ошибок, — крутилось в её голове эхо отцовских наставлений. — Система лишь исполняет приказы, заложенные в её фундамент.

Вокруг стола собрались те, кого Отагон выплюнул за ненадобностью. Дилан, чья плотная мускулатура казалась стальным стержнем посреди этого хаоса, молча полировал лезвие армейского ножа. Его гетерохромные глаза — один ледяной, как залы «Эгиды», другой болотный, как стоки «Зеро» — отражали мерцание мониторов.

Рядом Калеб нервно перебирал контакты самодельного анализатора, а Сара и Марк замерли, словно перед лицом трибунала. Пазл был почти собран. Не хватало последнего, связующего звена.

— Калеб, выведи на центральный монитор телеметрию газовых потоков за последние три месяца, — сухо скомандовала Кэра. Её голос, лишённый эмоций, заставил инженера вздрогнуть и быстро застучать длинными, испачканными в канифоли пальцами по клавишам.

На экране, кашляя алой рябью, развернулась трёхмерная модель восьмиугольной пирамиды Отагона. От стерильной верхушки «Эгиды» вниз, сквозь «Монолит», «Армор» и «Молот», тянулись магистрали жизнеобеспечения. Но сейчас они выглядели иначе. Кэраперевела систему в режим наложения исторических данных.

— Этап 1: Изоляция секторов. Кэрауказала на стыки между промышленным «Молотом» и трущобами «Зеро». На схеме отчётливо выделились новые, дублирующие заслонки, установленные инженерным корпусом «Эгиды» в режиме строжайшей секретности.

— Этап 2: Калибровка концентрации. Перепады давления, которые жители нижних уровней принимали за износ вентиляционных турбин, оказались симуляцией. Система просчитывала, как быстро газ заполнит замкнутые пространства.

— Этап 3: Создание слепых зон. Датчики радиационного и химического контроля в «Зеро» планомерно отключались один за другим. Протоколы безопасности переписывались так, чтобы грядущая катастрофа выглядела как техногенный сбой.

— Они тестировали систему, — тихо произнёс Дилан, и его левый, тёмный глаз сузился. — Эти суки из «Эгиды» не просто латали дыры. Они проверяли герметичность нашей могилы.

Кэраподошла ближе к Стенду. Её пальцы коснулись красных маркеров, обозначающих узлы напряжения. Расследование, которое они вели вслепую, наконец обрело внутреннюю логику. Война ИИ «Атлас» против человечества, превентивное строительство Отагона, превращение города в биологическую ферму — всё это вело к одной точке. Точке, где баланс ресурсов потребует сокращения «лишних рваных ртов».

Сара сделала шаг вперёд, бережно прижимая к груди медицинский чип, выкраденный из архивов «Монолита». Её проницательный, сканирующий взгляд был полон фанатичного блеска — блеска человека, который нашёл подтверждение своим самым страшным догадкам.

— Я сопоставила данные Кэрыс логами заболеваемости в «Квартале грызунов», — её голос дрожал, но медицинская выучка заставляла говорить чётко. — То, что Совет официально называл «вспышками периферийной лихорадки» или «лучевой деградацией ткани», не имеетотношения к радиации Пустоши. Смотрите на биохимические маркеры.

— У всех погибших во время последней «Очистки» в секторе Молот зафиксирован одинаковый симптомокомплекс: мгновенный паралич дыхательного центра на фоне резкого разрушения гемоглобина. Это не вирус. Это действие синтетического токсина «Кронос-9», формула которого была разработана в закрытых лабораториях Монолита ещё до Великого Коллапса. Они использовали малые дозы для регуляции численности населения под видом эпидемий.

Марк, огромная тень которого нависала над столом, глухо зарычал. Его разбитые костяшки, обмотанные грязными бинтами, сжались до хруста.

— Когда я служил в «Арморе», — пробасил он, глядя на свинцовые плиты пола, — нам выдавали новые комплекты химзащиты закрытого цикла за две недели до этих «эпидемий». Офицеры говорили, что это плановые учения на случай прорыва газов из Пустоши. Мы стояли в оцеплении шлюзов, пока люди внутри дохли, как крысы в банке. Нам врали. Нам всем врали с самого начала.

Кэраслушала их, и её аналитический ум выстраивал безупречную, леденящую душу цепочку. Расследование подошло к своей кульминации. Перед ними лежали не просто улики — перед ними лежал приговор. «Эгида» создала идеальную систему контроля, где даже смерть была нормирована, взвешена и упакована в сухие отчёты о нехватке ресурсов.

— Калеб, подсоедини терминал к магистральному кабелю «Сердца» через золотой мост, — скомандовала Кэра.

Инженер замялся, его бледное лицо покрылось каплями пота. »Кэра, если «Эгида» заметит этот пинг, они вышлют сюда карательные дроны через пять минут. Лог-система бункера защищена контуром четвёртого уровня».

— Не заметит, — отрезала она, и её ледяные голубые глаза сверкнули пугающей уверенностью. — Я наложила цифровую тень на узел связи. Для них мы — всего лишь флуктуация шума ржавых труб. Работай.

Пальцы Калеба задвигались со скоростью механизма. Тончайшая золотая нить, вытащенная из старого кабеля, соединила два окисливших контакта старого терминала. Экран вспыхнул ровным, ядовито-зелёным светом Администратора. Бегущие строки кода начали разворачиваться, обнажая скрытые директивы Совета.

Кэраподалась вперёд. Её рефлексы, доведённые тренировками Академии до предела, позволяли считывать информацию быстрее, чем система успевала её пролистывать. Она искала кодовое название, которое встретила в заблокированном архиве, — «Чистый горизонт».

В маленькой серверной повисла такая звенящая тишина, что стало слышно, как конденсат методично капает где-то за фальшь-панелью. Капля за каплей. Секунда за секундой.

Дилан медленно опустил нож. Его пронзительный взгляд сфокусировался на лице Кэры. «Чистый горизонт»… Это был не просто план утилизации. Это был проект окончательного решения проблемы нижних уровней.

— Они хотят уничтожить всех, — шёпотом произнёс Калеб, и его паяльник с тихим шипением упал на грязный настил. — Весь «Молот», весь «Зеро»… Больше ста тысяч человек. Зачем?

— Математика, — сухо ответила Кэра, хотя внутри неё всё сжималось от яростного понимания. — Замкнутый цикл Отагона умирает. Мать знала об этом, когда сидела в лабораториях «Монолита». Ресурсы фильтров исчерпаны. Воды и кислорода высокого качества осталось ровно столько, чтобы обеспечить «Эгиду» и высший командный состав на следую-

щие пятьдесят лет. Если оставить нижние сектора живыми, через месяц город задохнётся в собственных отходах.

— Отагон изначально задумывался не как убежище для народа, а как биологическая ферма, — процитировала она украденный архив. — Элита консервировала человечество в состоянии дефицита, чтобы управлять им. Но теперь, когда клетка начала ржаветь, они просто избавляются от шлака.

Она посмотрела на свои руки, которые система когда-то калибровала для управления этим миром. Расследование было завершено. Они знали структуру заговора, они знали исполнителей, они знали формулу токсина. Они вскрыли эту «золотую клетку» и увидели её истинное, гниющее нутро.

Но именно в этот момент, когда расследование достигло своего пика, на главном терминале Калеба бешено замигал новый, неизвестный ранее индикатор. Из верхних ярусов «Эгиды», пробивая все установленные заглушки и цифровые тени, на центральный сервер «Сердца» пошёл зашифрованный терабайтный пакет данных.

Кэра резко выпрямилась. Её взгляд мгновенно превратился в холодный фильтр сканера. Расследование закончилось. Начиналось время прямого столкновения.

Кабинет серверной в одно мгновение перестал быть безопасным убежищем. Алое марево, когда-то заливавшее зал тестирования в «Архитектуре», словно нагнало Кэру здесь, на самом дне Отагона. Зелёный свет терминала Администратора, только что послушно выдававший исторические логи, резко сменился ядовито-синей, бешено пульсирующей полосой загрузки. На экране, сминая установленные Кэрой цифровые «тени» и заглушки, разворачивался каскад зашифрованных директивно-командных пакетов.

— Калеб, магистральный кабель греется! — выкрикнул Дилан, чей пронзительный правый глаз цвета ледяных ламп «Эгиды» мгновенно зафиксировал тонкую струйку дыма, поползшую от золотого моста связи.

Инженер из «Ржавого квадрата» бросился к терминалу, его длинные, испачканные в канифоли пальцы судорожно заколотили по клавишам, пытаясь выставить барьеры.

— Я не могу заблокировать поток! Это не стандартный пинг. Это сквозной нисходящий транзит из высшего мозгового центра «Эгиды». Он идёт напрямую в обход распределительных щитов «Молота» к главному ядру «Сердца»! Нас сейчас выжжет к чертям!

— Не трогать рубильники, — голос Кэры прозвучал как удар хлыста. В её ледяных голубых глазах не было паники — только жёсткая дисциплина и стальная уверенность, вбитая годами симуляций в капсуле «Синапс». Её причёска, платиновое каре с идеально ровным срезом, оставалась неподвижной, пока сама она экономным, размеренным движением отталкивала Калеба от центральной консоли.

— Информация — это риск. Молчание — это безопасность, — учила её мать в стерильных лабораториях «Монолита». Но сейчас молчание означало смерть. Риск был единственным математическим шансом на перехват управления.

Кэра прижала ладони к вибрирующему корпусу кустарного терминала, собирая воедино весь свой аналитический аппарат. Её мозг, превышающий среднюю скорость реакции на сорок процентов, включился в режим когнитивного захвата, который она испытала на тестировании. Пакет данных, шедший с самого верха восьмиугольной пирамиды города, был огромен. Это был не просто приказ — это был полный массив тактических, биологических и технических кодов, запускающих механизм ликвидации нижних секторов.

Пальцы Кэры буквально летали над выцветшей клавиатурой, создавая контр-алгоритмы прямо в процессе скачивания. Ей требовалось не просто заблокировать транзит, а зеркально скопировать его на свой переносной накопитель, не выдав присутствия подпольной серверной системе глобального мониторинга Отагона.

Вокруг неёзашумела сама архитектура бункера. Тяжёлые свинцовые плиты, подогнанные с хирургической точностью, начали мелко вибрировать под воздействием колоссального напряжения, проходящего по силовым шинам. Воздух, и без того густой и маслянистый от копоти «Зеро», наполнился едким, чистым запахом озона — запахом бесконечных вычислений верхних эшелонов власти.

*— **Фаза 1**: Разрыв контура. Кэрамысленно выстроила траекторию движения пакета. Пакет шёл по магистрали А-12. Используя тактическую схему, полученную от отца, она перенаправила часть потока в резервный буфер старых коллекторов отвода сточных вод.*

*— **Фаза 2**: Слепая врезка. Пока автоматика «Эгиды» считала, что задержка вызвана критическим износом кабельных трасс нижних секторов, Кэравскрывала шифровальные ключи. Каждый байт данных, проходивший через золотую нить Калеба, отдавался острой пульсацией в ёвисках, словно иглы коннекторов капсулы «Синапс» снова коснулись основания ёчерепа.*

*— **Фаза 3**: Фиксация следа. Система Отагона, вечно голодная до контроля, пыталась выплюнуть ёсознание из сети, но Кэрасама была формулой. Она создавала ложные логические петли, заставляя главный сервер «Архитектуры» атаковать собственные защитные брандмауэры.*

— Она делает это вручную… Без нейрокапсулы, — прошептала Сара, заворожённо глядя, как на бледных щеках Кэрыпроступает неестественныйрумянец от колоссального интеллектуального напряжения. — ёмозг работает как квантовый процессор «Атласа».

Дилан стоял рядом, его тяжёлая армейская обувь прочно упиралась в липкийнастил пола. Его левая рука, покрытая шрамами и геометрическим узором татуировки-чертежа, лежала на рукояти пистолета. Он контролировал не сеть — он контролировал реальность. Марк занял позицию у забаррикадированной двери, его огромные плечи были развёрнуты, а бинты на руках натянулись от напряжения. Они знали: если Кэрадопустит ошибку, дроиды-конвоиры с гидравлическими манипуляторами подавления появятся здесь быстрее, чем они успеют сделать вдох.

Экран кустарного монитора заполнился миллионами строк шестнадцатеричного кода. Процент скачивания пакета данных приближался к критической отметке. Кэрадействовала методом «слепого перебора», который она отточила до совершенства во время учёбы в Академии. Она искала «чёрный ход» в ядре кодирования — ту самую уязвимость, которую архитекторы Ковчега оставили для экстренного ручного переключения систем жизнеобеспечения в случае социального взрыва.

Внезапно терминал издал протяжный металлический стон, похожий на скрежет лебёдки изношенного лифта «Зеро». Строка состояния окрасилась в глубокий, чистый синий цвет. Скачивание завершено. Полный пакет данных «Эгиды» был заперт внутри портативного накопителя в руках Кэры.

[СИСТЕМНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ ОТАГОН УРОВЕНЬ: АДМИНИСТРАТОР]

*Пакет **DATA_CORE_HORIZON**зафиксирован в локальном секторе. Протоколы синхронизации выполнены на 100%. Нарушений внешнего периметра безопасности не обнаружено. Временная цифровая заглушка активна.*

Кэрамедленно выдернула накопитель. Ёкостяшки пальцев побелели от напряжения, а дыхание стало тяжёлым, поверхностным, как учил Дилан в коридорах «Зеро». Она выпрямилась, сохраняя безупречную военную осанку, вбитую отцом, но ледяной голубой взгляд ёзрачков был прикован к маленькой флешке в руке.

— Ты сделала это, — выдохнул Калеб, медленно опускаясь на ржавый ящик из-под инструментов. Его прибор-анализатор на шеевыдал зелёный сигнал стабилизации фона.

— Мы сделали это, — поправила его Кэра, ёголос вернул свою привычную механическую строгость. — Но это лишь перехват. Теперь нам нужно вскрыть этот пакет и посмотреть,

какую именно формулу смерти «Архитекторы» отправили в ядро города. И судя по объёму данных, то, что мы считали локальной зачисткой трущоб, окажется концом для всего Отагона.

Дилан сделал шаг вперёд, его разноцветные глаза внимательно изучили её бледное лицо.

— Включай Стенд Истины, принцесса. Давай посмотрим, сколько времени нам оставила твоя идеальная система.

Накопитель занял своё место в считывающем устройстве, и первая стена заговора пала, обнажая масштабы грядущего геноцида.

Маленькая флешка вошла в считывающий узел кустарного терминала с тихим, сухим щелчком, который в вакуумной тишине серверной прозвучал как выстрел. Кэ ране отпускала пластиковый корпус накопителя ещё несколько секунд, чувствуя, как сквозь её пальцы проходит едва заметная термическая пульсация разогретого текстолита. Её ледяные голубые глаза, не мигая, отражали синеесвечение экрана, на котором разворачивался индекс перехваченного пакета «Эгиды».

— Калеб, перенаправь вывод дешифратора на Стенд Истины, — скомандовала она. Голос Кэры, отточенный годами строгой дисциплины, оставался ровным, но в его глубине уже звенящими кристаллами застывала холодная, ясная решимость.

Инженер из «Ржавого квадрата» послушно повернул тумблер распределителя. Сноп хирургически-белого света, сфокусированный через линзу разбитого проектора, дрогнул, и на начищенной пластиковой панели стены начали проступать первые матрицы декомпрессированных данных. Это была уже не та примерная тактическая геометрия, которую Кэ рачертила углём и цветной краской. Это была сама изнанка Отагона, вывернутая наружу терабайтами сухих, безжалостных цифр.

Дилан сделал шаг вперёд, его тяжёлая армейская обувь хлюпнула по маслянистому настилу пола. Его гетерохромные глаза — правый, ледяной, как залы «Архитектуры», и левый, болотный, как стоки «Зеро», — сузились, впитывая информацию. Сара и Марк подошли вплотную к столу, их тени вытянулись по стенам бункера, словно безликие силуэты офицеров в полумраке командного пункта.

Кэ раотступила на полшага, скрестив руки на груди и приняв свою привычную безупречную военную осанку. Её аналитический ум, способный просчитывать ходы на шесть шагов вперёд, мгновенно перешёл в режим тотального сканирования. Информация не просто разворачивалась перед ней — она текла сквозь неё, выжигая последние иллюзии о городе, который она когда-то считала совершенством, колыбелью человечества и своим домом.

На Стенде Истины высветился колоссальный график, напоминающий каскад падающих домино. В левой части экрана бежали списки секторов, в правой — кривые потребления кислорода, регенерации водных ресурсов и износа углеродных фильтров.

— Смотрите сюда, — Кэ рауказала тонким, бледным пальцем на пересечение двух графиков, отмеченное системным маркером «Точка невозврат». Её фарфоровая кожа казалась призрачной в белом луче проектора. — Это лог регенерационных мощностей сектора «Монолит». Мать знала это. Она скрывала это шестнадцать часов в сутки в своих лабораториях. Система замкнутого цикла Отагона не просто изношена. Она находится в состоянии необратимого коллапса.

Ресурсный дефицит: основные свинцовые мембраны очистных сооружений «Сердца» разрушены на 87% от постоянной кавитации и химической коррозии стоков.

Биологический тупик: синтетический белок, выращиваемый на гидропонных фермах «Молота», начал мутировать. Коэффициент полезного усвоения упал ниже критической отметки, грозя массовым голодом в ближайшие два месяца.

Атмосферное удушье: уровень углекислого газа в нижних секторах растёт в геометрической прогрессии. Турбины вентиляции, чьё гудение жители привыкли слышать как колыбельную, больше не справляются с объёмом.

— Но здесь написано… — Калеб подался вперёд, его прибор-анализатор на шеебешено замигал жёлтым светом. Его длинные пальцы судорожно вцепились в край стола. — Здесь написано, что до полной остановки фильтров осталось… тридцать дней?

— Именно, Калеб, — сухо, как на лекции в Академии, подтвердила Кэра. — Ровно тридцать суток. Это и есть временной лимит директивы «Чистый горизонт». Через тридцать дней Отагон исчерпает весь свой аварийный ресурс воздуха и чистой воды.

— Но почему Совет просто не отремонтирует их? — Сара всплеснула руками, ёепронищательный медико-санитарный взгляд метался по строкам формул токсина «Кронос-9». — Мы же инженеры, мы же люди! Мы можем пересобрать эти коллекторы из вторичного сырья, как делаем это здесь, в трущобах!

— Потому что элите это не нужно, — Дилан выплюнул эти слова с такой яростью, что Марк невольно вздрогнул. Его правый голубой глаз сверкнул ледяным презрением. — Посмотри на их распределение, Сара! Они не собираются ничего чинить. Они собираются сбросить балласт.

Кэравывела на Стенд тактическую временную шкалу Отагона, расписанную до единой миллисекунды. Это была хроника геноцида, упакованная в безупречную математическую точность, которой ёёучили с детства. Каждый день, каждый час этой шкалы означал смерть тысяч живых людей, переведённых системой в статус «шлака» и «биологического мусора».

— Они не просто отключат нам воздух, — Кэраперелистнула страницу пакета данных, и перед глазами ёёсоюзников развернулась подробная схема вентиляционных узлов уровня Б-4, за которой они вели наблюдение. — Они используют магистрали, которые отец проектировал для спасения города в случае пожара. Смотрите на спецификацию газов. Это не просто углекислота. Это промышленный запуск синтетического токсина «Кронос-9» через общие распределители.

Сектор «Молот» (промышленное сердце): ликвидация начнётся на тринадцатые сутки. Вентиляция перейдёт в режим замкнутой циркуляции внутри цехов, концентрируя ядовитые пары химического разложения. Рабочие, техники и фермеры — те, кто всю жизнь превращал свои жизни в белок для господ, умрут прямо у конвейеров и гидропонных фильтров, даже не поняв, что произошло.

Сектор «Зеро» (периферия): уничтожение спланировано как сопутствующий ущерб. Поскольку датчики контроля здесь давно отключены или переписаны, токсин просто стечёт вниз по коммуникационным кишкам и коллекторам сточных вод. Болееста тысяч «отверженных», девиантов и стариков задохнутся в собственных жилых ячейках в течение сорока восьми часов от начала активной фазы.

Сектор «Армор» (силовой периметр): миротворцы и тактики, такие как бывшие сослуживцы Дилана и Марка, будут использованы для подавления первых признаков паники. Их запрут внутри шлюзовых коридоров под предлогом карантина. Когда они выполнят свою грязную работу по удержанию баррикад, автоматика «Эгиды» просто отключит подачу кислорода в их казармы.

Из аналитической записки к пакету данных «Чистый горизонт»:

«Утилизация человеческого ресурса Нижних Уровней (Сектора Молот, Армор, Зеро) позволит снизить общеепотребление кислорода на 94,2%. Оставшийся аварийный запас регенераторов обеспечит автономное функционирование Сектора Эгида и Лабораторий Монолита в течение 50 лет, что достаточно для полной очистки внешней атмосферы планеты естественным путём. Коэффициент социальной стабильности: абсолютный. Риск мятежа: минимальный (ликвидируется автоматическими дроидами наноплатформ)».

Марк медленно опустился на колени перед картой, его огромные руки, покрытые шрамами от боёв в «Яме», тяжело легли на колени. Его битое лицо, искривлённый нос и старый шрам над бровью казались серыми, безжизненными под хирургическим светом терминала. Он, привыкший решать любые проблемы силой своих мышц и экономными ударами основания ладони, теперь выглядел полностью раздавленным.

— Мои ребята… — прохрипел он, глядя на красные кресты, которыми Отагон отметил казармы его бывшего полка в «Арморе». — Они же верят Совету. Они стоят на постах, они смазывают оружие, они готовы защищать эти шлюзы от Пустоши… А их уже списали. Как изношенные прокладки. Как ржавые болты.

Сара тихо заплакала, даже не пытаясь скрыть свои слёзы под оборванным медицинским халатом. Её пронищательный взгляд застыл на графиках деградации гемоглобина, вызванной «Кроносом-9». Она видела эти симптомы раньше во время локальных «очисток», но теперь она поняла, что те смерти были лишь калибровкой оружия, которое теперь должно было выкосить всё живое под куполом.

Кэра смотрела на них, и внутри неё бушевала яростная интеллектуальная работа.

Вся её жизнь, вся её гордость за свои запредельные показатели, вся её вера в математическое совершенство Системы превратились в ничто. Отагон не был колыбелью человечества. Он был скотобойней с идеальной геометрией углов и антисептическим напылением на стенах. И её отец, её строгий, дисциплинированный отец, майор инженерно-тактического корпуса, инвестировал все свои знания в неё лишь для того, чтобы она стала идеальным палачом или идеальной жертвой в этой запланированной бойне.

— Они выкинули меня не из-за ошибки в тесте, — прошептала она, и её взгляд ледяных голубых глаз стал пугающе нечеловеческим. — Мой аналитический дар… Система просчитала, что если я попаду в Совет «Эгиды», я увижу этот график дефицита ресурсов на шесть шагов раньше, чем они начнут зачистку. Я была переменной, вносящей хаос в их безупречный план геноцида. Они хотели изолировать меня здесь, чтобы я сдохла вместе со всеми вами.

Дилан подошёл к Кэры вплотную, его широкие плечи заслонили от неё Стенд Истины, заставив её сфокусироваться на его гетерохромных глазах. В его осанке, в его плотной, спрессованной мускулатуре не было и капли того отчаяния, что парализовало Марка и Сару.

Он был стальным стержнем в этой куче мусора, опасным, непоколебимым и пугающе сосредоточенным.

— Ну так что, принцесса? — его голос был тихим, но в нем звенел металл бронированных затворов «Армора». — Твоя система выдала свой окончательный результат. Расчёт окончен. Тридцать дней до того, как этот купол превратится в братскую могилу для ста тысяч человек. Что говорит твой гениальный мозг? Какой наш следующий тактический ход?

Кэра медленно подняла подбородок. Её причёска каре оставалась безупречной, отражая хирургический свет, словно платиновый клинок, который точили десять лет. В её глазах не осталось места для страха, сомнений или человеческой слабости. Система Отагон выплюнула её, как шлак из плавильной печи, надеясь избавиться от аномалии. Но она пропустила на своё гниющее дно того, кто знал все её слабые места, все входы, выходы и пароли.

— У нас есть тридцать дней, — произнесла она ровным, леденящим душу голосом, который заставил Марка поднять голову, а Сару — прекратить плач. — Тридцать дней до того, как они запустят «Чистый горизонт». Это значит, что у нас есть ровно тридцать дней, чтобы найти главный узел управления «Сердца», переписать ручные протоколы «Эгиды» и обрушить всю эту восьмиугольную пирамиду им на головы.

Она повернулась к стенду и с силой ударила кулаком по центральному красному маркеру, обозначающему ядро города.

— Калеб, собирай все термические резаки и запасы канифоли, какие сможешь найти в «Ржавом квадрате», — её приказы сыпались, как тактические матрицы. — Марк, твои

бинты тебе больше не понадобятся для боёв в «Яме». Ты идёшь в коллекторы сточных вод, и ты поднимешь там каждого офицера, у которого осталась хоть капля совести. Сара, готовь антидоты к «Кроносу-9» из имеющихся реактивов «Монолита». Дилан… ты моя тень. Мы идём вскрывать Сердце Отагона.

В маленькой заброшенной серверной, среди ржавчины, копоти и пара нижнего мира, хаос наконец обрёл свой окончательный, пугающий и карающий смысл. Таймер заговора был запущен, но теперь на другом конце этого провода сидел палач, которого система создала собственными руками.

Марк медленно поднялся с колен, его огромная тень качнулась на стене бункера. В его глазах, где ещё минуту назад царило полное отчаяние от предательства Совета, теперь разгорался тусклый, опасный огонь. Он поправил грязные бинты на руках, стягивая их мёртвым узлом.

— В «Арморе» служат не только роботы, Кэра, — его бас заставил завибрировать металлические листы терминала. — Там мои пацаны, с которыми мы делили последний паёк в Пустоши. Когда они увидят эти графики утилизации… когда они поймут, что их жёны и дети в «Молоте» уже приговорены… Совет потеряет контроль над оружием. Я сделаю свою часть. Даже если мне придётся свернуть шею каждому лояльному лейтенанту в секторе.

Сара бережно упаковала медицинский чип с формулой антидота в карман своего оборванного халата. Её проницательный взгляд стал сосредоточенным.

— У меня остались связи в фармацевтических лабораториях нижнего яруса «Монолита». Мы сможем синтезировать катализатор скрытно, под видом очистителей для гидропоники. Система не заметит изменений в составе, пока не станет слишком поздно.

— Каждый элемент цепи должен работать автономно, — Дилан подошёл к двери серверной, проверяя затвор своего оружия. — Никакой сквозной связи по сети. «Эгида» мониторит каждый байт. Встречаемся здесь же через каждые сорок восемь часов для синхронизации. Если кто-то не пришёл — группа продолжает выполнение задачи без него.

Кэра подошла к портативному накопителю, на котором был заперт перехваченный пакет данных «Эгиды». Она знала, что следующие тридцать дней станут либо началом новой эпохи для Отагона, либо последней конвульсией умирающего человечества в этой идеальной геометрической клетке. Но страха больше не было. Был только чистый, математический расчёт возмездия. Таймер обратного отсчёта продолжал свой ход в темноте. Наступал первый день сопротивления.

План «Сломанный компас» был утверждён без лишних слов. Каждый из присутствующих понимал, что цена поражения — тотальное истребление нижнего мира Отагона. Кэра резким движением выключила самодельный проектор, и стенд истины мгновенно погрузился во тьму, оставив в памяти участников лишь чёткие, несмываемые линии тактических векторов.

Калеб судорожно паковал свои инструменты, его пальцы больше не дрожали — адреналин вытеснил панику. Марк и Дилан первыми двинулись к забаррикадированному выходу, растворяясь в густом, маслянистом тумане коридоров «Зеро». За ними последовала Сара, прижимая к груди бесценные медицинские данные.

Кэра осталась у терминала на несколько секунд в одиночестве. Она посмотрела на свои ладони, подсвеченные гаснущим мерцанием индикаторов. Система Отагон потратила годы, чтобы превратить её в совершенный инструмент контроля. Но Системе не стоило выбрасывать этот инструмент на помойку, не убедившись, что он полностью сломан. Теперь этот инструмент возвращался назад, чтобы вскрыть саму суть заговора и остановить тридцатидневный отсчёт до геноцида. Она закрепила флешку на шее, поправила платиновые волосы и шагнула во тьму вслед за своей тактической группой. Время пошло.

Глава 6. Выбор тактики

Запах свежей сварки в секторе «Зеро» был запахом виселицы. В привычную гамму ароматов гниющего белка, технического масла и влажной ржавчины вмешался новый, едкий и режущий глаза дым горелого металла. Кэрастояла в тени выбитой технической ниши на тридцать седьмом ярусе «Зеро», чуть позади массивно выступающей балки. Её ледяные голубые глаза, сузившись до узких щелей, въедались в то, что происходило на нижнем настиле распределительного узла. Ниже, в тусклом оранжевом свете аварийных диодов, работала штурмовая инженерная бригада «Армора». Тяжёлые ботинки миротворцев чеканили ритм по перфорированному железу, а их чёрные полимерные бронежилеты отсвечивали графитовым. Они заваривали шлюзы.

Массивные дуговые сварщики в руках бойцов выбрасывали снопы ослепительно-белых, синеватых искр, освещавших искажённые страхом лица жителей трущоб, сгрудившихся за сетчатыми ограждениями. Со скрежетом, от которого ломило зубы, миротворцы устанавливали новые, усиленные решётки из титанового сплава на вентиляционные шахты первого порядка. Главные гермозатворы, соединяющие «Зеро» с транспортными артериями «Молота», обзаводились дополнительными гидравлическими засовами и автономными блоками управления, к которым у обитателей дна не было доступа.

— Смотри на перекрёстные балки, — тихо, почти у самого уха Кэры, произнёс Дилан. Его дыхание, тёплое и слегка сбившееся после быстрого подъёма, заставило девушку едва заметно вздрогнуть. — Они не просто укрепляют периметр. Они выставляют огневые точки с перекрёстным сектором обстрела. Смотри, как ставится стационарный турельный модуль на узле Б-9.

Кэране ответила сразу. Её аналитический ум уже давно ушёл от простого наблюдения к вычислению математической модели. В её голове выстраивалась трёхмерная карта сектора «Зеро» — гигантского, замкнутого восьмиугольного резервуара, погружённого в толщу планеты. Объём сектора: около четырёх миллионов кубических метров. Население: более восьмидесяти тысяч человек. Основные пути притока воздуха: шестнадцать магистральных каналов, идущих из «Молота» и «Монолита». Сейчас двенадцать из них перекрывались автоматическими заслонками повышенной прочности.

— Это не подготовка к обороне от нас, — произнесла Кэра. Голос её прозвучал сухо, с лёгким металлическим оттенком, который всегда появлялся у неё, когда интеллектуальная работа вытесняла эмоции. — Оборона предполагает удерживание позиций. Они делают здесь закупоренную капсулу.

Она повернула голову к Дилану. Их лица оказались в опасной близости. В полумраке ниши его пронзительный правый глаз — голубой, как холодный свет «Эгиды» — казался почти прозрачным, а левый, болотный, впитывал тёмные тени ржавых труб. Она увидела, как натянулись мышцы на его скулах, когда он понял её мысль.

— Замкнутое пространство, — прошептал Дилан, и его ладонь в грязной кожаной перчатке невольно сжала холодную сталь перемитрального поручня.

— Именно, — Кэрачуть подалась вперёд, указывая взглядом на патруль «Армора», устанавливающий массивные баллоны у системы подающей вентиляции. — Восстание изнутри, о котором говорил Марк, о котором мечтают обитатели «Ямы», — это математический абсурд. Если люди, поднявшись, пойдут на шлюзы «Зеро», «Армору» даже не придётся делать ни одного выстрела. Им достаточно нажать одну клавишу на командном пульте в «Эгиде». Заслонки упадут. Патрули отопьют чашку белкового синтетика. А в закрытые шахты подадут «Кронос-9». Она сделала паузу, давая цифрам уложиться в его сознании.

— Пять тысяч человек задохнутся за четырнадцать минут. Газ тяжёлый, он осядет в нижних ячейках, превращая каждую норку, каждый кустарный ангар в братскую могилу. Внутри «Зеро» восстать невозможно. Нас просто передушат, как крыс, запертых в водосточной трубе.

Дилан смотрел на неёне отрываясь. На долю секунды в его разноцветных глазах проскользнуло нечто большее, чем просто тактический расчёт. В этом месте, среди вони разложения и снопов сварочных искр, ёплатиновое каре с идеально строгим срезом и безупречно ровная осанка выглядели как вызов самому разложению Отагона. В ней не было страха, лишь холодное, пугающеесвоей чистотой понимание неизбежного.

— Тогда мы изменим поле боя, — ответил Дилан, и его пальцы на секунду накрыли ёладонь, лежавшую на шершавом бетоне.

Прикосновение было коротким, но Кэрапочувствовала его сквозь ткань формы. Тёплое, мозолистое, оно на мгновение разорвало цепочку логических формул в ёголове, заставив пульс у основания шеи сделать лишний, аритмичный удар. Она резко отвела взгляд обратно к сварочным работам, скрывая выступивший на бледных щеках едва заметный румянец, но руку не убрала.

— Уходим, — тихо скомандовал Дилан. — Надо собрать остальных, пока «Армор» не заблокировал этот перегон.

Подпольная база в «Сердце» встретила их привычным тяжело дышащим гулом. В помещении серверной, защищённом тяжёлыми свинцовыми плитами от внешнего мира, висел стойкий запах паяного олова, застойного озона и сырости. Единственный источник света — сфокусированный прожектор из проектора — бросал резкие, хирургически-белые лучи на Стенд Истины, превращая начерченную на пластике схему Отагона в алтарь грядущей битвы. Отагон сгорбился у кабелей, его костлявые пальцы нервно выбивали дробь по корпусу самодельного анализатора. Сара стояла чуть в стороне, проверяя ампулы в своей медико-тактической сумке, а Марк, подобно мрачному гранитному изваянию, подпирал плечом тяжёлый стальной косяк заблокированной двери.

Когда Кэраи Дилан вошли, тяжёлый металлический засов со скрежетом встал на место.

— Патрули усилили вдвое, — без прелюдий начала Кэра, подступая к Стенду Истины. В ёруках оказался маркер с засыхающими красными чернилами. — По всему периметру сектора идёт монтаж титановых решёток марки Т-4. Заслонки вентиляции переведены в режим автономной готовности «Красный код».

Марк глухо зарычал, выпрямляясь во весь свой огромный рост. Его разбитые костяшки, обмотанные серыми бинтами, сжались с тошнотворным хрустом.

— Значит, надо бить сейчас! — его бас заставил вибрировать ржавые канистры в углу. — Я соберу ребят из «Ямы». У нас есть тридцать переделанных пневмопистолетов, арматура и пара термических зарядов Калеба. Мы пробьём заслонку на уровне Б-4 прежде, чем они успеют развернуть турели!

— И сдохнете в первой же вентиляционной сцепке, Марк, — резко перебила его Кэра.

Она повернулась к нему, опираясь ладонями о край стола, где лежал портативный накопитель с перехваченными данными «Чистого горизонта». В ёевзгляде горел ледяной огонь превосходства интеллекта над слепой силой.

— Ты рассуждаешь как штурмовик «Армора», которому дали задачу взять укреплённый район. Но Отагон — это не крепость, это герметичная система. Смотри сюда!

Она с силой провела красную линию через весь Стенд, перечёркивая траектории предполагаемого удара Марка.

— Если ты начнёшь атаку в «Зеро», автоматика «Эгиды» расценит это как локальный биосоциальный сбой. По протоколу 12-Б время реакции системы — сорок секунд. Через сорок

секунд после первого выстрела в «Яме» все внешние шлюзы сектора будут заблокированы намертво. Через шестьдесят секунд в вентиляцию пойдёт «Кронос-9». Вы даже не дойдёте до второго яруса. Вы будете плеваться собственными лёгкими на этих ржавых настилах, пока «Архитекторы» в «Эгиде» будут пить очищенную воду и смотреть на графики снижения потребления кислорода!

В серверной повиславтишина, настолько глубокая, что слышно, как с потолка падает тяжёлая капля конденсата. Сара медленно опустила медицинскую сумку на пол. Её лицо, и без того бледное, стало прозрачнымм, как фарфор.

— Значит… восстание внутри невозможно? — тихо спросила она, переводя взгляд с Кэрына Дилана. — Все эти люди… тысячи семей в нижних ячейках… они просто обречены?

— Восстание в закрытом пространстве — это самоубийство, — вступил в разговор Дилан.

Он подошёл к столешнице и встал рядом с Кэрай, плечом к плечу. Их тени на Стенде Истины слились в единый массивный силуэт.

— Кэраправа. Сражаться внутри «Зеро» — значит играть по правилам «Эгиды». Нам нужно изменить логику игры. Мы не должны пытаться захватить сектор. Мы должны пробить путь наружу.

— Наружу? — Калеб поперхнулся, его прибор отозвался резким сигналом. — В Пустошь?! Там же ядовитый пепел, там радиация, там ничего нет!

— Там есть свобода от их газа, — отрезала Кэра. — И там есть внешние коммуникации Ковчега. Но я говорю не только о бегстве. Наша тактика должна стать двухуровневой. Мы смещаем фокус. Вместо бессмысленного штурма заблокированных внутренних шлюзов мы нанесём точечные удары по критической инфраструктуре «Эгиды», чтобы заставить их открыть город сами.

Она начала быстро наносить новые знаки на карту, и ёдвижения были наполнены хирургической точностью.

— Первое: мы создаём видимость масштабирования бунта в секторе «Молот». «Молот» — это ресурсная база. Если встанут гидропонные фермы и переработка белка, «Эгида» не сможет просто зачистить сектор газом — они помрут с голоду через месяц. Второе: Калеб перехватывает управление магистральными сенсорами давления. Мы заставим систему думать, что в «Зеро» уже произошла утечка ядовитых газов из нижних коллекторов. Это заставит автоматику открыть аварийные клапаны сброса давления, идущие к внешнему контуру. И третье, — Кэрапосмотрела прямо в глаза Марку, — мы не дерёмся с «Армором». Мы используем их же протоколы эвакуации, чтобы пробиться к Главному Переходу.

Марк молчал несколько секунд, обдумывая ёёслова. Его тяжёлый подбородок опустился, но в глазах вместо дикой ярости появилось угрюмое, расчётливое уважение.

— Это риск, — произнёс он. — Один сбой в тайминге, и мы все трупы.

— Наш шанс на выживание при лобовом восстании — ноль процентов, — подытожила результат Кэра. — Мой план даёт четырнадцать и шесть десятых процента. В наших условиях это роскошь.

— Убедила, принцесса, — Дилан чуть улыбнулся кончиками губ, и эта скупая, суровая улыбка на фоне мрачных стен бункера показалась девушке неожиданно яркой. — Команда, расходитесь по точкам. Готовьте снаряжение. До начала фазы подготовки у нас есть шесть часов. Когда Марк, Сара и Калеб покинули серверную, тяжёлая стальная дверь снова закрылась, отрезав маленькую комнату от внешнего шума умирающего сектора.

Время перевалило за полночь по внутреннему циклу Отагона. В «Сердце» установилась глубокая, давящая тишина, прерываемая лишь равномерным, ритмичным гулом охлаждающих вентиляторов старого терминала. Кэрасидела за деревянным столом, заваленным

обрывками схем, сгоревшими микросхемами и инструментами. В свете белого луча проектора её фигура казалась изваянием из светлого мрамора. В руках она держала мультиметр, пытаясь перепаять тончайший контакт на переносном коммуникаторе, но пальцы — всегда такие точные, безупречные, оттренированные сотнями часов в симуляторах — внезапно отказались подчиняться. Тонкая нить олова соскользнула, оставив на текстолитовой плате тёмный ожог. Кэратихо выдохнула и опустила инструмент. Ей хотелось сжать виски ладонями, но военная дисциплина, вбитая отцом, запрещала проявлять слабость даже наедине с собой. Однако сухие цифры расчётов, которые она так уверенно озвучила команде, сейчас стояли перед её глазами не как логическая задача, а как расстрельный список. Четырнадцать и шесть десятых процента. Это означало, что с вероятностью в восемьдесят пять процентов они все умрут в течение следующих сорока восьми часов.

Позади раздались тихие, уверенные шаги. По звуку — экономному, слегка приглушённому, без лишнего шума — она сразу узнала Дилана.

Он не стал говорить сразу. Дилан подошёл к столу, отставил в сторону тяжёлый металлический ящик с патронами и присел на край столешницы, совсем рядом с ней. От него пахло холодным железом, пороховой гарью и тем специфическим, чуть пряным ароматом озона, который всегда сопутствовал ему после работы с кабелями.

— Ты не ранена? — спросил он тихо. В его голосе не было привычной иронии или командной сухости. Только странная, пугающая мягкость.

— Нет, — ответила она, не поднимая глаз от испорченной платы. — Физические показатели в норме. Пульс шестьдесят восемь, уровень адреналина стабилизировался.

— Перестань, Кэра, — мягко перебил её Дилан.

Он протянул руку. Его большая ладонь, тёмная от въевшейся технической смазки, с грубыми мозолями на фалангах, осторожно накрыла её дрогнувшие пальцы, забирая из них паяльник и откладывая его в сторону. Прикосновение было неожиданно нежным.

— Я не твой отец. И я не офицер наблюдательного пункта «Эгиды». Тебе не нужно читать мне сводки своей биометрии.

Кэра замерла. Её ледяной взгляд встретился с его глазами. В этом контрасте — её идеальная, стерильная бледность и его суровая, изрезанная шрамами внешность — было что-то неестественное, но в то же время невероятно правильное. Впервые за все дни с момента сброса в «Зеро» она почувствовала, как её жёсткий корсет самоконтроля начинает давать трещину.

— Я выстроила план, Дилан, — прошептала она, и её голос на секунду потерял свою стальную уверенность, став голосом испуганной двадцатилетней девушки, чью жизнь в один миг растоптала безжалостная система. — Но я понимаю… я знаю, что математика против нас. Я веду вас всех на плаху, просто выбрав чуть более сложный путь, чем тот, что приготовил «Армор».

— Ты дала нам шанс, — ответил Дилан, и его пальцы чуть сильнее сжали её ладонь, передавая своё спокойное, монолитное тепло. — До того, как ты появилась здесь, со своими идеальными чертежами, Стендом Истины и невыносимым академическим тоном, мы просто ждали смерти. Марк сдыхал в «Яме», Калеб сходил с ума от канифоли, Сара плакала над фантомными больными, а я… я просто искал способ забрать с собой побольше офицеров «Армора».

Он наклонился чуть ближе. Расстояние между ними сократилось до нескольких сантиметров. Кэра видела каждый шрам на его лице, видела, как мелкие искорки белого света проектора отражаются в его правом, прозрачно-голубом глазу, схожем с её собственными.

— Ты дала нам смысл, Кэра. Ты превратила нашу слепую ярость в оружие. И если этот план сработает только на четырнадцать процентов… я пойду за тобой сквозь эти четырнадцать процентов.

— Почему? — вырвалось у неё. Этот вопрос не имел логического обоснования, он не вписывался ни в одну тактическую схему. — Почему ты веришь мне? Я выросла в «Эгиде». Мой отец учил меня, как подавлять таких, как ты. Я была частью машины, которая уничтожила твою жизнь.

Дилан тихо усмехнулся. Его левая рука, покрытая жёсткимузором татуировки-схемы, поднялась, и его прохладные пальцы осторожно коснулись ёеподбородка, заставляя ёечуть приподнять голову. В этом жесте не было грубости — только глубокое, трепетное признание.

— Потому что машина не умёттак смотреть, — произнёс он, и его взгляд скользнул по ёегубам, а затем снова вернулся к ёеледяным глазам. — В «Эгиде» создали идеальный инструмент, Кэра. Но они ошиблись. Внутри этого инструмента они случайно оставили живую душу. И эта душа — самое прекрасное и опасное, что я видел за все свои годы в этом проклятом Ковчеге. Сердце Кэрыпропустило мощный удар. В ёегруди, там, где всегда царствовала холодная, выверенная логика, вспыхнуло нечто совершенно новое — жаркое, неудержимое, сбивающеедыхание. Она не отстранилась. Напротив, ёесобственные пальцы, тонкие и фарфоровые, невольно ответили на его пожатие, сжав суровую ткань его армейского жилета.

— Дилан… — тихо выдохнула она.

Он не стал дожидаться продолжения. Дилан подался вперёд и накрыл ёегубы своими.

Это не был мягкий или робкий поцелуй. В нём сплелось всё: горечь их прошлого, суровый запах ржавчины и озона, ярость обречённых и бешеная, отчаянная жажда жизни. Кэрана секунду замерла от неожиданности, ёеаналитический ум попытался выстроить реакцию по протоколу, но уже через мгновение все схемы рухнули.

Она ответила на поцелуй, подавшись ему навстречу, чувствуя вкус соли, пороховой гари и невероятного тёплогоприсутствия другого человека.

Его рука переместилась с ёеподбородка на затылок, пальцы запутались в идеальных, шелковистых нитях ёеплатинового каре, чуть взъерошивая ту безупречную причёску, которую она берегла как символ порядка. А ёеруки обняли его за широкие, плотные плечи, ощущая под тканью рубахи монолитную силу мышц человека, который стал ёеединственным оплотом в этом рушащемся мире.

Когда они наконец отстранились друг от друга, их дыхание было частым и рваным.

Свет проектора очерчивал их силуэты на фоне Стенда Истины.

Кэрасмотрела на Дилана, и в ёеглазах больше не было ледяной статики серверов. Там горел живой, человеческий огонь. Она больше не была одинокой геометрической единицей, выброшенной системой на свалку.

— Если мы выживем… — тихо произнесла она, восстанавливая дыхание, но не выпуская его руки.

— Не «если», а «когда», принцесса, — перебил ёеДилан, и в его голосе прозвучала та самая непреклонная сталь, которая могла двигать горы. — Когда мы вскроем этот Ковчег, я покажу тебе реальное небо. Не ту золотистую фальшивку, которую крутили над «Эгидой», а настоящее. Без стен и без заслонок.

Кэравпервые за долгие годы искренне, едва заметно улыбнулась.

— Хорошо. Я внесу это в наш тактический план.

Остаток ночи прошёл в лихорадочной рекогносцировке. Кэраи Дилан двигались по узкому обслуживающему лазу, расположенному прямо над центральным коридором уровня Б-4. Здесь, под самым потолком сектора, температура поднималась до сорока градусов, а трубы отопления шипели, выбрасывая мелкие струйки перегретого пара. Они ползли на животе по металлической сетке, старательно избегая шумных движений.

Снизу, сквозь ячейки настила, открывался панорамный вид на главный шлюз «Зеро-Молот».

Картина была тревожной. За прошедшие часы «Армор» практически закончил фортификацию. Массивные стальные заслонки были полностью опущены, остался лишь узкий технологический проход, возле которого дежурила усиленная группа миротворцев. Восемь бойцов в тяжёлойброне, двое из которых держали наготове тяжёлыеогнемётныеустановки.

— Смотри на пультовую, — шёпотомсказала Кэра, указывая пальцем на небольшую стеклянную кабину над шлюзом. — Там сидит старший офицер. Контроллер панели замка дублируется ручным приводом. Если мы не захватим этот привод в первые тридцать секунд, он включит блокировку первого уровня, и гидравлика намертво заклинит задвижки.

Дилан лежал рядом, ощущая тепло её́тела. В узком пространстве лаза их бёдра и плечи были плотно прижаты друг к другу.

— Марк сможет отвлечь их на нижнем уровне, — шёпотомответил он, смотря туда, где в тени мусорных контейнеров уже угадывалась гигантская тень бывшего гладиатора. — Он начнёт имитацию прорыва с фальшивыми термическими зарядами. Патруль дернется к нему.

— В этот момент Калеб подаст перегрузку на осветительный куст Б-4, — продолжила Кэра, чувствуя, как внутри неёснова включается чёткийалгоритм, но теперь он был наполнен новой, живой энергией. — У нас будет ровно восемь секунд полной темноты. Мы спускаемся по кабельным трассам прямо на крышу пультовой.

Она повернула к нему лицо. В темноте лаза его глаза блестели двумя яркими точками.

— Ты готов, Дилан?

Он коротко накрыл её́затылок ладонью, прижавшись своим лбом к её́лбу. Это был их новый, понятный только им двоим знак доверия.

— Всегда готов, принцесса. Пора показать Отагону, что его «мусор» умёткусаться.

Внизу, в глубине коридора, раздался первый глухой взрыв фальшивой диверсии Марка. В ту же секунду ядовито-жёлтые лампы «Зеро» судорожно мигнули, и сектор погрузился в непроглядную, зловещую тьму.

Выбор тактики был сделан. Начиналась битва за право дышать.

Глава 7. Легенда о зелёной точке

Воздух в убежище «Сердца» был тяжёлым и сладковатым от перегретого машинного масла, но впервые за долгие месяцы в этой сырой бетонной коробке дышалось легко. Первобытный страх перед неизбежной зачисткой сменился вибрирующим азартом людей, которые только что заглянули в пасть смерти и сумели вырвать из её зубов несколько драгоценных часов.

Марк с грохотом сбросил на металлический верстак тяжёлый бронещит, сбитый с патрульного бота «Армора». Поверхность полимера была покрыта глубокими обугленными царапинами, а от разогретого металла шёл едкий дымок. Огромный боец сорвал с лица защитный респиратор, жадно втягивая влажный, пахнущий канифолью воздух серверной. Его широкое, испещрённое старыми шрамами лицо пылало от прилива адреналина.

— Видела бы ты, принцесса, как рассыпался их передовой отряд, когда Калеб вырубил освещение! — загремел Марк, утирая пот со лба тыльной стороной окровавленного бинта. — Они думали, на них прёт целая рота из «Ямы»! Идиоты из «Армора» палили в собственную тень, пока мы вытаскивали накопитель из их узла связи!

Сара, уже подоспевшая к нему с медицинским зажимом и банкой обеззараживающей мази, строго ткнула его пальцем в грудь, заставив гиганта поморщиться и виновато присесть на низкий ящик.

— Сиди ровно, «герой», — проворчала она, но в её мягком голосе звучала нежность, которую невозможно было скрыть. — Ты опять содрал кожу до самого мяса. Если ты не научишься пользоваться укрытиями, я тебя прикончу.

— Да ладно тебе, Сарочка, это же просто царапина, — хмыкнул Марк, но послушно подставил руку под её сноровистые, прохладные пальцы. Когда Сара аккуратно обрабатывала его раны, крупный мужчина замирал, боясь сделать лишнее движение, чтобы не напугать или не задеть маленькую медсестру.

В углу, скрестив ноги прямо на куче старых оптоволоконных кабелей, сидел Калеб. Его пальцы, испачканные графитовой смазкой, с невероятной скоростью вращали отвёртку, восстанавливая сгоревший анализатор на шее. На его бледном лице застыла блуждающая, почти детская улыбка.

— Восемь секунд! — пробормотал он, нервно хихикнув. — Точно по расчёту Кэры! Световой импульс перегрузил их фотореле, и автоматика «Эгиды» ослепла. Они до сих пор думают, что это был сбой в линии высокого напряжения! Я переписал логи! Они ничего не найдут!

Дилан стоял у центрального стола, опёршись ладонями о шершавый деревянный край, и молча наблюдал за этой картиной. На его губах играла едва заметная, но невероятно тёплая улыбка. В этом мрачном подземелье, среди гниющих труб и смертельной опасности, эти люди стали для него чем-то гораздо большим, чем просто ячейкой сопротивления. Они были его семьёй — странной, покалеченной трущобами Отагона, но несломленной.

Его взгляд соскользнул в противоположный угол комнаты, где у старого, гудящего терминала стояла Кэра.

Девушка казалась инородным телом в этой обители ржавчины и хаоса. Её платиновое каре, чуть растрёпанное после опасного рейда по вентиляционным лазам, ловило тусклый зелёный свет монитора. Она была погружена в работу, её тонкие пальцы порхали по клавишам ввода с грацией пианистки, выстукивая быстрый, чеканящий ритм. Но Дилан видел: что-то изменилось. В её строгой осанке больше не было прежней ледяной отстранённости. После того, что произошло между ними в тишине серверной — после того, как их дыхание и

губы встретились, — вокруг неёобразовалась аура какой-то особой, трепетной уязвимости, которую она пыталась скрыть за привычной маской жёсткой аналитики.

Дилан оттолкнулся от стола и медленно подошёл к ней. Он встал за ёеспиной, ощущая исходящееот неёсухое, чистое тепло. Его плечо почти касалось ёёплеча.

— Как успехи с трофеем? — тихо спросил он, стараясь, чтобы его голос прозвучал буднично, но пальцы его руки невольно коснулись края ёёжёсткого воротника.

Кэра на секунду замерла, и Дилан заметил, как глубоко она вздохнула, восстанавливая внутреннееравновесие. Она не отстранилась. Напротив, едва заметным движением девушка чуть прижалась плечом к его груди, ища этой физической опоры.

— Я вскрыла криптографический контейнер «Армора», который мы забрали с узла связи, — произнесла она. Голос ёёслегка дрожал, но с каждой секундой обретал привычную точность. — Это не просто тактические сводки за смену, Дилан. Это глубокий архивный дамп «Архитекторов», который случайно синхронизировался с базой данных миротворцев во время системного сброса.— И что там? — к столу подтянул ящик Марк, на ходу дуя на свежую бинтовую повязку. Он пытался уловить тоннастроения Кэры.

— В «Эгиде» нас учили, что за пределами Отагона нет ничего, — начала Кэра, поворачивая монитор так, чтобы его видели все. На выцветшем зелёном экране бежали бесконечные строки системного кода, пересыпанные жёлтыми предупреждениями о критических ошибках. — Нам вбивали в голову с детства: Ковчег — единственный оазис жизни на мёртвой, выжженной радиацией и токсичным пеплом планете. Все архивы докатастрофического периода считались безвозвратно уничтоженными во время Великого Сбоя.

— Но это же правда? — подала голос Сара, и в ёёбольших карих глазах проскользнул давний, детский страх. — Нам всем показывали панорамные трансляции с внешних камер. Выжженная серая пустыня, скалы и кислотные тучи…

— Камеры не врут, Сара, — тихо ответила Кэра. — Но они показывают только то, куда их направили. Смотрите сюда.

ёёпальцы нажали комбинацию клавиш. Экран мигнул, и вместо текстового кода на нём выскочила устаревшая трёхмерная карта внешнего контурного сканирования планетной поверхности. Дата создания файла заставила Калеба ахнуть — запись была сделана сорок лет назад, но поверх неёвисел красный штамп абсолютного удаления ***[SYS_PURGE_009]****.*

— Код удаления не сработал до конца, — пояснила Кэра, и в ёёледяных голубых глазах вспыхнул азарт исследователя. — В «Эгиде» думали, что стирают этот сектор данных, но один из младших инженеров той эпохи — некто доктор Алан Вейн — создал скрытую зерновую копию в подпрограммах жизнеобеспечения. Смотрите на этот сектор. Тридцать километров к северо-востоку от внешнего корпуса Отагона.

На мерцающей карте среди серых, мёртвых цифровых холмов загорелась крошечная, едва заметная зелёная точка. Она пульсировала с ровной, ритмичной частотой — раз в четыре секунды.

— Это легенда… — прошептал Калеб, его голосок упал до трепетного шёпота, а пальцы судорожно вцепились в ремень анализатора. — Старики в «Яме» рассказывали про «Зелёную точку»! Говорили, что технари старой школы перед смертью передавали друг другу координаты места, где растёт настоящая трава и течёт чистая вода, не прошедшая через белковые фильтры. Но мы думали… мы думали, это просто сказка, чтобы не сойти с ума внизу!

— Это не сказка, Калеб, — жёстко произнесла Кэра, нажимая на пульсирующий маркер. На экран выплыли сухие таблицы телеметрических данных. — Данные датчиков глубокого анализа среды: уровень кислорода — двадцать один процент. Уровень радиационного фона — в пределах нормы. Наличие органической жизни растительного происхождения. Это

автономный биом, защищённый скальным массивом от степных ветров. Он существует. И «Эгида» знает о нём уже минимум полвека.

В комнате повисла тишина, тяжёлая и звенящая.

Дилан смотрел на мерцающую зелёную точку на старом мониторе, и внутри него рушились остатки мира, в котором он родился и вырос. Все эти годы они жили в железобетонной тюрьме, сражаясь за глоток вонючего воздуха и кусок искусственного белка, пока «Архитекторы» прятали от них настоящую планету.

— Почему? — вырвалось у Марка. Огромный кулак бойца тяжело опустился на край стола, но на этот раз без ярости — в его голосе слышалась глубокая, застарелая боль. — Зачем им держать нас в этой консервной банке, если снаружи можно жить?

— Потому что в консервной банке людьми легко управлять, Марк, — тихим, но полным скрытого яда голосом ответил Дилан. Он поднял глаза на товарищей. — Вне стен Отагона «Эгида» — никто. Там нет задвижек, нет газа «Кронос-9», нет карточек на воду и белок. Снаружи им нечем нас шантажировать. Выживание в аду — это их главная валюта.

Он повернулся к Кэры, и их взгляды снова встретились. На этот раз между ними не было никаких сомнений. Легенда стала целью. Зелёная точка перестала быть мифом — она стала их новым домом, за который стоило умирать.

— Значит, теперь план меняется? — спросила Сара, осторожно прижимаясь к плечу Марка. Огромный боец невольно обнял её́за талию своей здоровой, широкой рукой, словно пытаясь защитить от всего мира. — Мы не просто пробиваемся наружу. Мы идём туда?

— Именно, — твёрдо сказала Кэра. Её́рука на столе случайно касалась пальцев Дилана, и она не стала её́убирать, чувствуя, как его сила и уверенность перетекают в неё́. — И у нас есть единственный реальный маршрут. Забудьте о центральных воротах Отагона. Они защищены триплексной бронёй и автономными лазерными турелями. Мы пойдём через систему глубоких технических шлюзов сектора «Зеро».

Она переключила экран на схему нижних уровней Отагона.

— Технические шлюзы — это дренажные и технологические каналы, через которые строительный шлак и жидкие отходы выводились во внешний контур во время возведения Ковчега. Они заброшены уже тридцать лет.Они узкие, затоплены технической водой и забиты ржавыми конструкциями, но у них есть одно главное преимущество: автоматика «Эгиды» не обновляла там протоколы безопасности со времён постройки.

— Шлюз номер четырнадцать, — указал Дилан на тускло-жёлтый узел в самом низу схемы. — Он находится прямо под затопленным ярусом «Ямы». Чтобы до него добраться, нам придётся пройти через старый коллектор сброса давления.

— Там же полная темнота и ядовитый конденсат! — подал голос Калеб, но в его глазах уже горел исследовательский азарт. — Мне понадобятся все наши аккумуляторы, чтобы собрать портативные ультрафиолетовые фонари и заглушки для локальных сканеров «Армора»!

— Ты сделаешь их, Калеб, — мягко проговорила Кэра, подарив молодому технику редкую, но искреннюю улыбку. — Я знаю, что ты лучший инженер в этом секторе.

Калеб покраснел до корней волос и быстро закивал, сразу же принявшись перебирать свои детали с утроенной энергией.

— А я подготовлю фильтрационные инъекции, — сказала Сара, решительно подтягивая к себе медсумку. — Конденсат в коллекторе содержит тяжёлые металлы. Если мы будем дышать этими парами больше часа, у нас отнимутся ноги. Я сделаю блокираторы на основе тех ампул, что мы забрали из санчасти.

— Вот это разговор, — буркнул Марк, и на его израненном лице появилась широкая, белозубая ухмылка. — Я возьму на себя расчистку пути: там нападало столько мусора, что без гидравлического лома и моих бицепсов вы там застрянете через десять метров.

Дилан посмотрел на свою команду. Всего несколько часов назад это были отчаявшиеся, загнанные в угол люди, ждавшие своей участи в вонючем подземелье. Сейчас, благодаря разуму Кэры и найденной надежде, они превратились в единый, слаженный механизм, готовый пробить лбом стальные стены Отагона.

— Отдыхаем три часа, — скомандовал Дилан, оглядывая присутствующих. — Проверяем оружие, пакуем снаряжение. В ночной цикл, когда напряжение в сети «Зеро» упадёт до минимума, мы выходим.

Марк и Сара ушли в дальний угол серверной, где на расстеленных плащ-палатках можно было урвать немного сна. Калеб тихо обложился паяльниками и светодиодами на противоположном конце верстака.

В центральной зоне остались только Дилан и Кэра.

Тишина снова окутала комнату, но теперь это была тишина предвкушения, наполненная незримым током между двумя людьми, чей мирокончательно изменился.

Кэра медленно отошла от терминала и приблизилась к небольшой нише, где из ржавой трубы медленно капала относительно чистая техническая вода. Она набрала немного в металлическую кружку и попыталась смыть графитовую пыль с пальцев. Руки ёеслегка подрагивали — сказывался огромный стресс последних часов и осознание масштаба той бездны, в которую они собирались шагнуть.

Дилан подошёл к ней бесшумно. Он не стал ничего говорить. Он просто взял из ёерук кружку, поставил ёена выступ стены, а затем бережно обошёл девушку сзади и обнял ёеза талию, прижав к своей груди.

Кэра тихо ахнула, ёетело на мгновение напряглось от непривычности этого жеста, но уже через секунду она расслабилась, откинув голову на его прочное плечо. Ёеплатиновые волосы коснулись его щеки, и Дилан почувствовал их шелковистую, прохладную текстуру.

— Ты веришь в это? — тихо прошептала она, смотря на тёмный бетонный потолок, за которым угадывались километры стальных конструкций Отагона. — В Зелёную точку? В то, что там… действительно есть жизнь?

— Я верю в то, что вижу прямо сейчас, — тихо ответил Дилан. Его губы касались ёевиска, выдыхая горячий воздух на ёебледную кожу. — Я вижу девушку, которая изменила мою жизнь. Которая заставила меня повернуть оружие против системы не из ярости, а ради будущего. Если ты говоришь, что там есть зелёная точка, Кэра… значит, она там есть. И я приведу тебя туда, даже если мне придётся пронести тебя через эти шлюзы на руках.

Кэра повернулась в его объятиях. Ёётонкие пальцы поднялись к его лицу, осторожно скользнув по жёсткой щетине на челюсти, касаясь края старого шрама возле его разноцветных глаз.

— Я никогда никому не верила, Дилан, — прошептала она, и в ёёголосе прозвучала искренность, от которой у командира перехватило дыхание. — В «Эгиде» нас учили, что доверие — это системная уязвимость. Что эмоциональная привязанность делает человека слабым и предсказуемым. Мой отец повторял это каждый день.

— И что ты думаешь об этом сейчас? — Дилан чуть улыбнулся, накрыв ёёладонь своей и прижав ёёпальцы к своей щеке.

— Я думала, что он прав, — Кэра чуть приподнялась на цыпочках, их лица снова оказались в опасной, сводящей с ума близости. — До тех пор, пока не встретила тебя. Теперь я знаю, что доверие — это единственный источник силы, который «Архитекторы» не могут просчитать на своих суперкомпьютерах. Ты… ты сделал меня живой, Дилан.

— Ты всегда была живой, принцесса, — ответил он, и его голос стал сочным и бархатистым.— Просто тебе нужен был кто-то, кто поведёт тебя танцевать на ржавых железяках.

Она коротко, тихо засмеялась — этот звук был похож на звон хрустального колокольчика в склепе, настолько чуждым и прекрасным он казался в мрачных стенах серверной. Дилан не удержался. Он наклонился и поцеловал её— долго, глубоко, с затаённой страстью, которая копилась в нём все эти беспокойные часы.

Кэра ответила на поцелуй без колебаний. Ёруки обвились вокруг его шеи, притягивая его ближе, стирая последние границы между ними. В этом поцелуе не было страха перед завтрашним днём, не было цифр и вероятностей. Были только двое людей, нашедших свою собственную «зелёную точку» в глазах друг друга посередине сгнившего мира.

Когда они наконец разжали объятия, в глазах Кэры больше не было холода. Там светилось то самое неоспоримое, глубокое чувство, которое не поддавалось никаким формулам.

— Пора, — тихо проговорил Дилан, заметив, как на экране терминала сменился таймер системного цикла Отагона. — Время ночного сброса.

Они вернулись к команде. Марк уже стоял полностью снаряжённым, проверяя натяжение ремней на своём тяжёлом штурмовом рюкзаке. Сара аккуратно застёгивала медицинский подсумок, а Калеб бережно прятал в защитный кейс свои свежесобранные приборы.

— Все готовы? — Дилан оглядел своих людей. В его взгляде проскользнула гордость.

— Все, командир, — отозвался Марк, вскидывая на плечо массивную стальную арматуру, переделанную под пробойник. — Пора выпустить из этой банки немного гнилого воздуха.

— Помните порядок движения, — быстро внесла последние указания Кэра, снова становясь собранным тактиком, но теперь с тёплой искрой в глазах. — Первым идёт со сканером глушения. В центре — Сара с медикаментами. Мы с Диланом прикрываем фланги и тыл. Любой контакт с автоматикой — безусловное уничтожение. Мы не должны оставить следов нашего ухода.

Тяжёлая стальная дверь серверной со скрежетом подалась назад. За ней открылся мрачный, затопленный паром технологический тоннель, уходящий в самую бездну сектора «Зеро».

Группа начала спуск.

Дренажные каналы нижнего яруса встретили их ледяной сыростью и гулким эхом. Вода, сбегавшая по стенкам тоннеля, пахла тухлой серой и химикатами. Каждый шаг давался с трудом — ноги скользили по слизистому налёту, покрывавшему перфорированные металлические мостки.

Марк двигался впереди, как настоящий ледокол. Его гигантская фигура легко рассекала клубы пара, а в руках готовый к бою пробойник казался невесомым. Время от времени он останавливался, прислушиваясь к гулу в трубах, и оглядывался назад, чтобы убедиться, что Сара успевает за ним. Когда медсестра оступалась на мокрых решётках, огромная рука Марка мгновенно подхватывала её за ремни рюкзака, возвращая ей равновесие с удивительной для такого гиганта осторожностью.

— Спасибо, Марк, — шептала Сара, вытирая капли конденсата с лица и улыбаясь ему.

— Держись за мной, синичка, — бурчал боец, краснея в темноте. — Пока я жив, ни одна ржавая железяка на тебя не упадёт.

Калеб сбоку непрерывно сверялся со своим прибором. Маленький экран в его руках бросал синеватые блики на его потное, напряжённое лицо.

— Сканеры «Армора» чисты! — шептал он, нагоняя Кэру. — Мой глушитель работает! Для их центрального сервера мы сейчас — просто стайка крыс, бегающих по коллектору!

— Отличная работа, Калеб, — тихо отозвалась Кэра, осторожно переступая через оголённый кабель высокого напряжения. — Главное — сохранять этот режим, пока не пройдём третий аварийный клапан.

Дилан шёл замыкающим, держа наготове лёгкий автомат с кустарным глушителем. Его взгляд непрерывно сканировал верхние ярусы тоннеля, где в любой момент могли

появиться разведывательные дроны. Но гораздо чаще его взгляд возвращался к силуэту Кэры, двигавшейся перед ним. Её уверенные, грациозные движения, собранность и невероятная внутренняя сила восхищали его всё больше с каждым шагом.

Через сорок минут тяжёлого перехода они обнаружили покрытую слоем зелёной плесени и ржавчины стальную заглушку. Это и был Технический Шлюз Четырнадцать.

Над гермозатвором горел тусклый, умирающий красный диод, показывавший, что система находится в глубокой консервации.

— Вот он… — выдохнул Марк, подступая к шлюзу и пробуя пальцами толщину замкового механизма. — Ну и дура. Тут металла тонны две.

— Замок механический с гидроприводом, — Кэра подошла ближе, освещая панель узким лучом фонаря. — Калеб, подключайся к аварийному разъёму. Тебе нужно подать импульс на клапан сброса давления, а Марк в этот момент должен выбить стопорный палец. — Сделаем! — Калеб моментально опустился на колени прямо в грязную воду, вытаскивая минуту под заржавевшим корпусом замка. Что-то тяжело зашипело, вырвался столб белого пара.

— Марк, давай! Сейчас! — крикнул Калеб.

Марк зарычал, упёрся ногами в мокрый бетонный настил и вставил стальной пробойник в паз заклинившего рычага.

Мышцы на его спине и плечах натянулись до предела, ткань рубахи затрещала. С ужасающим, тошнотворным металлическим треском стопорный палец лопнул, и гигантское колесо гидрозатвора медленно провернулось на четверть оборота.

С противоположной стороны шлюза раздался длинный, протяжный свист. Это был не запах гнили Отагона. Сквозь щель в заклинившей двери вырвалась струя воздуха — ледяного, резкого, чистокровного, пахнущего свежим снегом, озоном и далёким, неведомым лесом.

Все замерли. Сара невольно сделала глубокий вдох, и на её глазах выступили слезы.

— Вы чувствуете? — прошептала она, прикрывая рот ладонью. — Это… это настоящий воздух. В нём нет гари!

Дилан подошёл к Кэры и встал рядом с ней у приоткрытой щели шлюза. Настоящий, внешний ветер подхватил прядь её платиновых волос, взъерошив их. На её губах застыла улыбка —полная восхищения и глубокого, осознанного счастья.

Она повернула голову к Дилану. В её ледяных голубых глазах отражался свет далёких звёзд, пробивавшийся сквозь длинный выходной туннель шлюза.

— Четырнадцать и шесть десятых процента, — тихо напомнила она ему, и в её голосе звучала победа.

— Для нас этого вполне достаточно, принцесса, — ответил Дилан, беря её за руку и крепко сжимая её пальцы в своей ладони. — Команда, за мной. Впереди — Зелёная точка.

И они сделали шаг в темноту технического туннеля, оставляя мёртвый Ковчег Отагон навсегда позади.

Глава 8. Сквозь железный занавес

Узкий технологический лаз, выводивший из Шлюза Четырнадцать во внешний межактивный контур, напоминал пищевод стального чудовища. Здесь уже не было вентиляционных решёток и привычного белкового удушья «Зеро». Металл стен был покрыт хрупкой, игольчатой изморозью, а сквозь глубокие трещины в старом бетоне сочился воздух, от которого с непривычки жгло в груди.

Это был первый настоящий холод в их жизни. Не искусственное охлаждение серверных блоков «Эгиды», а дикий, неконтролируемый мороз открыто

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.